

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему

«Оценочные наименования лиц по отношению к религии в аспекте
лингвокриминалистических исследований»

Студент

Д.В. Третьякова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

доктор филологических наук, профессор М.А. Венгранович

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Оглавление

| | |
|---|----|
| Введение..... | 3 |
| Глава 1 Современная проблематика лингвокриминалистических исследований оценочных высказываний..... | 10 |
| 1.1 Категория оценочности в современном языкознании | 10 |
| 1.2 Оценочные наименования лиц в текстах общественно-политической направленности | 18 |
| 1.3 Анализ негативно-оценочных высказываний в отношении лиц в лингвоэкспертной теории и практике..... | 30 |
| Глава 2 Лингвокриминалистические подходы к квалификации оценочных наименований лиц по отношению к религии..... | 40 |
| 2.1 Общеупотребительная номинация с оценочным компонентом значения как предмет конфликта (слово <i>поп</i> и его производные) | 40 |
| 2.2 Окказиональная номинация с оценочным компонентом значения (<i>ислам</i> -производные наименования лиц)..... | 52 |
| 2.3 Экспертные задачи и их решения в квалификации оценочных наименований | 61 |
| Заключение | 68 |
| Список используемой литературы и используемых источников..... | 71 |

Введение

В современном, активно развивающемся мире недоброкачественная, а зачастую негативная, оскорбительная информация, распространяется стремительно и неудержимо. При подобном состоянии информационной среды непроверенные факты или просто чьи-либо частные суждения и мнения приобретают характер «истины в последней инстанции», становятся популярными, а при частотности обращения – весомыми и авторитетными.

В подобных условиях в обществе активно обсуждаются религиозные вопросы: межконфессиональные контакты, отношение к тому или иному вероисповеданию. Это всё чаще и чаще вызывает конфликты, которые, с течением времени, находят свое продолжение в суде.

Редактируемые издания (в том числе и их интернет-версии) воздерживаются от откровенно негативных номинаций в отношении конкретных персон или исповеданий. Причина этого очевидна: они помнят о соответствующих нормативных актах и статьях Административного Кодекса РФ, определяющих санкции за некорректные высказывания или откровенные нападки. Ситуация со свободными интернет-изданиями (блогами и проч.), а в особенности с постами в соцсетях, обстоит совершенно иначе. Здесь изливается негатив в самом неприкрытом и неприглядном виде, причем конфессиональные вопросы обсуждаются особенно остро. При этом авторы подобных материалов подчас не осознают, что могут быть привлечены не только к административной, но и к уголовной ответственности.

Данное исследование направлено на изучение оценочного наименования лиц, так или иначе связанных с религией (от носителей религиозных качеств до ученых, изучающих религиозные течения) и потенциально входящих в зону общественного конфликта, а также становящихся предметом судебного разбирательства.

Тема настоящего исследования приобретает **актуальность** на современном этапе развития лингвокриминалистики как развивающейся области на стыке лингвистики и юриспруденции, целью которой является разрешение экспертных лингвистических задач, поставленных перед обществом в ходе конфликтов в сфере общественного сознания и реализуемых в суде.

Объектом данного исследования являются наименования лиц по отношению к религии, а **предметом** – оценочные компоненты значения наименований лиц, по роду или сфере деятельности так или иначе связанных с религией.

Цель диссертационного исследования – выявить и проанализировать негативнооценочные коннотации в значении наименований лиц по отношению к религии в различных текстах, функционирующих в сфере общественно-политических отношений.

Достижению поставленной цели способствует целый ряд **задач**:

- выявить важнейшие тенденции современной теории и практики в лингвоэкспертной сфере по проблематике исследования;
- рассмотреть этапы анализа оценки наименований лиц в лингвоэкспертной деятельности;
- определить методы и приемы выявления негативной оценки лиц в различных текстах;
- провести анализ наиболее репрезентативных примеров лингвистических экспертиз общественно-политических текстов, содержащих негативные оценки лиц, связанных с религиозной деятельностью или имеющих к ней отношение;
- обобщить результаты исследования.

Материалом данного исследования послужили различные как опубликованные в СМИ, так и анонимные, общественно-политические тексты, предметом обсуждения в которых является деятельность лиц,

профессионально или идеологически связанных с религиозными формами сознания. Всего было проанализировано 53 текста.

Гипотеза исследования состоит в том, что негативно оценочные коннотации в значении наименований лиц по отношению в религии могут формироваться под влиянием различных факторов текстуального и внетекстуального характера:

- Даже нейтральное наименование лица в определенном контексте может стать оценочным.
- Оценки носят положительный или негативный характер и зависят от контекста или фоновых знаний.
- Оценки можно выявить с помощью собственно лингвистических методов, широко используемых в лингвокриминалистике.
- Сфера бытования наименований – общественное сознание, СМИ, общественно-политические тексты/ материалы.
- Предложенный путь исследования данного явления – основа к снятию общественных конфликтов.

Теоретико-методологической основой диссертации стали классические и современные труды, посвященные оценке как языковой категории, способам выражения оценочной семантики (Н.Д. Арутюновой [5-6], Л.М. Васильева [16], Е.М. Вольф [20], В.Г. Гака [21], Т.В. Маркеловой [42], М. Bednarek [85-88] и др.; труды по лексикологии и лексической семантике, а также работы, посвященные описанию различных участков лексической системы русского языка, в том числе некоторых групп слов с оценочным компонентом значения (И.А. Стернина [67-68, 70-71], М.А. Holiday [89] и др.). При анализе особенностей функционирования оценочных номинаций исследуемого разряда были использованы работы, особенно продуктивные в русле молодой науки – юрислингвистики/ лингвокриминалистики. Это направление широко представлено в работах К.И. Бринева [11-12], М.А. Венгранович [17-18], Е.И. Галяшиной [22], Д.Н. Голева [23], а М.А. Осадчего [50], И.А. Стернина [66, 69], Т.В. Чернышовой

[79] и др., в рамках которого актуален анализ негативного высказывания в структуре конструктивной/ деструктивной критики изображаемой в тексте персоны.

Методы исследования. В рамках данного исследования были использованы как общенаучные методы, так и методы, широко применяемые в лингвистике. Исследование проводилось с использованием различных методов лингвистического анализа (в частности, семантического, морфологического и синтаксического). Для решения поставленных вопросов использовались также методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста. Исследование проводилось в соответствии с методиками производства лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении ГЛЭДИС (Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам).

Для выявления семантики слов при исследовании экспертных задач также использовались метод семантического анализа слов, метод словарного анализа слов и метод обобщения словарных значений для выявления унифицированного словарного описания языковой единицы, а также актуализации значения данной единицы в приведенном контексте. Анализ проводился на материале современных толковых словарей русского языка [10], [49], [29-30], рекомендованных в лингвоэкспертной практике. При комплексном анализе семантики использовались расширенные данные словарей, что особенно актуально при анализе динамического изменения семантики слова (например, с номинацией поп). Также активно применялись корпусные исследования для анализа современного словоупотребления.

Научная новизна исследования. В связи с возросшими требованиями общества к толерантности, бесконфликтности общественной коммуникации, современные исследования все чаще обращаются к анализу наименований

лиц при разрешении религиозных вопросов. Между тем в настоящее время практически отсутствуют отдельные исследования наименований лиц, связанных с религией. В этом отношении данное исследование является одним из первых специализированных исследований данной темы. Также впервые описаны отдельные номинации лиц с точки зрения комплексного подхода к описанию семантики слова (*поп-* и *ислам-* производные наименования лиц).

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в теорию лингвокриминалистики (в рамках данного исследования описаны механизмы решения лингвистических экспертных задач, связанных с исследованием оценочного компонента в номинации лиц).

Практическая значимость исследования. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, применимы в качестве практического материала в различных вузовских лингвистических курсах, а также непосредственно в экспертной практике филолога.

Личное участие автора заключается, во-первых, в систематизации данных по экспертному анализу негативно оценочных высказываний в отношении лиц, а также, во-вторых, в описании ряда словарных дефиниций, что найдет свое применение в лингвоэкспертной практике.

Апробация работы велась в течение всего периода исследования (2016-2020 гг.). Основные результаты были представлены на следующих конференциях: II Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (14-15.09.2016, г. Элиста, КИГИ РАН), III Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (20-21.10.2017, г. Воронеж, ВГУ), Международной научной конференции «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего» (Восемнадцатые Филологические чтения, 26-28.10.2017, г. Новосибирск, НГПУ), VII Всероссийской научно-практической Интернет-конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия»,

проводимой на базе кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ и «Ассоциации лингвистов-экспертов Юга России» (www.ling-expert.ru) (15.11.2017, г. Ростов-на-Дону), IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (02-03.02.2018, г. Воронеж, ВГУ), Второй научно-практической конференции «Лингвистическая судебная экспертиза: теория и практика» (27-28.04.2018, г. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН).

По результатам проведенного исследования автором получен Губернский грант в области науки и техники за второе полугодие 2018 года по проекту «Семантика религиозного антропонима в современном языковом сознании молодежи Самарской области» (договор Министерства образования и науки Самарской области № 321 от 08.06.2018 г.; отчет НИР объемом 33 с.).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Оценочные наименования лиц по отношению к религии все чаще становятся предметом общественных конфликтов и входят в судебную практику. Лингвоэкспертная практика выявила необходимость изучения наименований лиц с позиций юрислингвистики/ лингвокриминалистики как специализированного отдела филологических знаний.

2. Даже нейтральные наименования лиц по отношению к религии в определенном контексте приобретают имплицитную негативную оценку.

3. Оценка наименований лиц зависит от актуализированных у говорящего (пишущего) языковых средств и определяется как общим общественно-политическим контекстом, так и конкретным дискурсом, к которому привычно (или непривычно, как бывает в случае с новыми явлениями, отражаемыми в языке) общество.

4. Лингвоэкспертная практика способна предложить эффективные методики анализа исследуемого явления и снятия возникающих общественных конфликтов.

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, 2 глав, заключения, списка используемой литературы и списка используемых источников (89 источников).

Во введении обосновываются актуальность темы исследования, определяются объект, предмет, цель, ведущая идея, выдвигается гипотеза и формулируются задачи работы, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

В главе 1 – Современная проблематика лингвокриминалистических исследований оценочных высказываний – проанализированы и систематизированы различные точки зрения на категорию оценки, совмещающую в своей природе объективный и субъективный (связанный с отношением человека к реалиям действительности) факторы, как предмета исследования многих гуманитарных наук: философии, логики, лингвистики, психологии, социологии и смежных областей знания, таких как психолингвистика, социолингвистика, лингвокриминалистика и др.

Глава 2 – Лингвокриминалистические подходы к квалификации оценочных наименований лиц по отношению к религии – посвящена анализу конкретного языкового материала, как потенциально конфликтного, так и ставшего предметом рассмотрения в судебных заседаниях, в том числе и в экспертной практике автора под началом и с использованием авторской методологии научного руководителя.

В заключении представлены основные результаты решения поставленных задач и сформулированы выводы исследования.

Глава 1 Современная проблематика лингвокриминалистических исследований оценочных высказываний

1.1 Категория оценочности в современном языкознании

Категория оценки в настоящее время является объектом исследования целого ряда гуманитарных наук: философии, логики, лингвистики, психологии, социологии и смежных областей знания, таких как психолингвистика, социолингвистика, лингвокриминалистика и др.

Н.Д. Арутюнова, обращаясь к изучению этого понятия, отмечает, что «оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности» [5, с. 5].

В своей работе «Язык и мир человека» Н.Д. Арутюнова, анализируя «природу оценки», обращается к «философским основаниям определения значения оценочных предикатов» [6, с. 5]. Автор наглядно демонстрирует, что проблема оценки, осмысление этого понятия, его речевое освоение волнует человечество ещё со времен античности. И, что немаловажно, философы, анализируя суть и природу оценки, обращались «к проблемам семантики, синтаксиса и прагматики оценочных слов, их функций в тексте, их коммуникативных свойств и употребления в живой повседневной речи» [6, с. 131].

Таким образом, ученый рассматривает «оценку и мир человека» и приходит к одному из выводов: «Понятие «хорошего/плохого» выделяется среди других категорий чрезвычайной разноплановостью своих связей и функций. То, что обозначает общеоценочный предикат, имеет отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию или несоответствию норме (существующей или идеальной), восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям (приятному и неприятному), к активному психологическому

началу человека (его желаниям, устремлениям, воле, долгу, обязанностям), к решению и выбору из ряда альтернатив, к жизненной программе человека и идеалам человечества, к прескриптивной функции речи, реализующейся в определенных типах речевых актов (таких как одобрение, осуждение, поощрение, рекомендация, совет, инструкция, приказание, убеждение, разубеждение, призыв, запрет, рекламирование и др.). Указанные связи распределяются по следующим планам: онтологическому, психологическому, деятельностному и коммуникативному» [6, с. 183].

Рассматривая оценку с точки зрения логики, Е.М. Вольф подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший или плохой» [20, с.6]. По мнению исследователя, оценка, включаясь в контекст, характеризуется особой структурой, содержащей ряд обязательных и ряд факультативных элементов. [20, с.11].

В основе оценочной модальности лежит «формула $A \text{ г } B$, где А представляет субъект оценки, В – её объект, а г оценочное отношение, которое имеет значение «хорошо/плохо». Таким образом, облигаторными элементами оценочной модальной рамки являются её субъект и объект, связанные оценочным предикатом. В естественном языке это может быть представлено весьма разнообразно, как отдельными лексемами (хорошо, плохо, замечательно, безобразно), так и семантикой высказывания в целом.

Оценка может даваться по самым разным признакам «истинность/неистинность, важность/неважность» и т.д., однако основная сфера значений, как полагает Е.М. Вольф, связана с признаком «хорошо/плохо».

Особенностью оценки является её «ассиметрия» между положительной и отрицательной зонами «хорошо/плохо». Это несоответствие объясняется следующим образом: «оценка «хорошо» может означать как соответствие норме, так и превышение ее, в то время как оценка «плохо» всегда означает отклонение от нормы» [20, с.7].

Субъект оценки, который может быть представлен имплицитно и эксплицитно, – это лицо или социум, с точки зрения которого даётся оценка. Объект оценки – это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка.

Следует отметить, что в модальную рамку оценки входят, как правило, имплицитно, шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящих.

В.В. Виноградов вводит термин «модальной оценки» «для разграничения эмоциональных форм выражения реакций на действительность от логически-рационально выраженного отношения к действительности, дифференцируя тем самым различные формы выражения модальности и её виды и не исключая значений эмоционально-экспрессивной оценки говорящего из комплекса модальных значений» [19, с.55].

Анализ модальных значений, представленный в трудах В.В. Виноградова, показывает, что категория модальности и оценки рассматриваются нерасчлененно, а оценочные значения квалифицируются как модальные.

Н.Ю. Шведова предлагает различать две разновидности модальности: «объективную модальность, обязательно присутствующую в любом построении, и субъективную модальность, включающую все модально-экспрессивные значения. [...] К объективно-модальным значениям относятся значения сообщения, побуждения или вопроса, характеристика предикативного признака со стороны полноты и интенсивности его проявления, характера протекания во времени, исключительности, обусловленности или необусловленности чем-либо и др. [...] Субъективно-модальные значения заключают «характеристику отношения к сообщаемому, экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания высказывания», т.е. окрашенные эмоциональной экспрессией значения акцентирования, оценки, удивления, решимости, предостережения и т. д.» [79, с. 15-16].

Таким образом, широкое и комплексное рассмотрение категории модальности как системы систем особых грамматических значений позволяет сделать вывод о том, что категория оценки является своеобразной подсистемой в рамках категории языковой модальности и представляет собой логико-семантическую категорию, отражающую субъективное отношение говорящего к предметам и явлениям окружающей действительности на основе их ценностной сущности.

Логико-семантическая категория оценки тесно связана с категориями экспрессивности и эмоциональности, которые рассматриваются одними учёными как модальные значения (Н.Ю. Шведова, Н.Е. Петров), а другими определяются как своеобразная лингвостилистическая категория (М.А. Holiday). Взаимосвязь оценки, экспрессивности и эмоциональности обусловлена социально, т.к. эти категории фиксируют определённые способы отображения реальной действительности, являются средствами актуализации речевого общения, а переданные с помощью грамматических средств, относятся к средствам передачи языковой модальности при ее широком толковании.

В лингвистической литературе предложены различные классификации оценочных значений. В зависимости от выражаемого в оценке отношения к называемому предмету или явлению исследователи выделяют две группы общеоценочного значения: положительная оценка, т.е. выражающую одобрение или восхищение, и отрицательная, т.е. выражающую неодобрение презрение, осуждение, пренебрежение.

Существуют разнообразные подходы к содержательной характеристике оценки.

Т.С. Дроняева рассматривает следующие типы оценки:

- а) точки зрения логики – объективная (логическая) и субъективная оценки;
- б) с точки зрения выражения – вербальная и невербальная; имплицитная и эксплицитная [82, с.290].

Следует отметить, что исследователи, обращаясь к типологии или классификации оценочного высказывания, зачастую опираются именно на средства выражения оценки.

В своих работах Н.И. Клушина описывает типологию оценок в публицистическом тексте:

«а) открытая (эксплицитная, присущая словоупотреблению) оценка:

1) сравнение как аргумент в пользу авторской оценки (историческая оценка – сравнение событий и персонажей с историческими фактами и деятелями; опережающая оценка – конструирование положительного или отрицательного образа прогнозируемого события, истоки которого находятся в современной ситуации; косвенная оценка – построенная на сравнении чужого опыта со своим);

2) квазисинонимическая ситуация – употребление нейтрального слова в стилистически окрашенных контекстах (напр., все эти фашисты, коммунисты, террористы);

3) «переинтерпретация» цитат или квазичитаты;

4) внедрение фактологической информации в концептуальную.

б) скрытая (имплицитная, заложенная в сему слова) оценка:

1) метафоры-идеологемы (напр., империя зла);

2) окказионализмы, созданные с помощью приема "скорнения" (напр., демокрады, коммунофашисты);

3) эвфемистические замены» [33, с.95-101].

В зависимости от общего способа выражения оценки различаются эксплицитные и имплицитные виды оценки. Под эксплицитной (прямой, явной, непосредственной) оценкой понимается оценка, при которой предпочтение денотата или его суждение явствует непосредственно из используемых значений языковых единиц.

К случаям имплицитности Е.И. Шендельс относит два вида скрытых грамматических значений. К первому виду относятся случаи, когда определённое грамматическое значение представлено в виде явной открытой

грамматической категории, для реализации которой существуют как специальные, формальные маркеры, так и имплицитные средства. Ко второму виду относятся такие грамматические значения, которые в данном языке не формализованы до степени открытой грамматической категории и выявляются в валентных свойствах слов, в их вещественном значении, в некоторых синтаксических структурах, в ограничениях, налагаемых на употребление словоформ [80, с. 264].

Имплицитная оценка относится ко второму виду имплицитных значений, отмеченных Е.И. Шендельс, и представляет собой «оценку, при выражении которой предпочтение определенного денотата или его суждение не явствует непосредственно из семантики употреблённых единиц» [80, с. 264]. Это проявляется в синтаксических структурах, в которых имплицитно выражено оценочное значение. В таких случаях оценочное значение (положительное или отрицательное) передаётся структурой в целом, а оценка имеет ярко выраженный экспрессивный характер. При определении вида имплицитной оценки (положительного или отрицательного) важную роль играют подтекстовые и контекстуальные факторы в самом широком смысле.

Таким образом, в семантическом плане выделяются общеоценочные значения – положительные или отрицательные, возможна классификация частнооценочных значений, по способу выражения оценка может быть имплицитной и эксплицитной, вербальной и невербальной (изображение + текст, выделения шрифтами, цветом.).

В «Краткой русской грамматике» высказывается мысль о том, что оценка может быть выражена различными средствами, так как «... говорящий, при помощи различных языковых средств так или иначе оценивает свое сообщение или способ сообщения, что-то в нем акцентируется, соотносится адресатом с обстановкой речи, с источником своей информации, с отношением к ней слушающего, выражает уверенность или неуверенность в том, о чем говорит» [36, с. 413].

И.И. Просвиркина, определяя сущность оценки, отмечает: «... оценка – это выражение отношения человека к чему-либо: предмету, явлению, другому человеку, к самому себе. Выразить оценку помогают языковые единицы различных уровней (фонетического, морфологического, лексического, синтаксического), содержащие компонент, в котором отражено отношение говорящего» [61, с. 79].

Обращаясь к анализу языковых средств выражения оценки, Н.А. Авганова отмечает, что «лексическая единица, которая передает оценочное значение, является «непременным компонентом» любой оценочной структуры. Более того, автор считает, что «оценочная функция характерная почти для любого слова, входящего в состав языка». Однако наблюдения показывают, что функцию передачи отношения говорящего к содержанию высказывания может выполнять только определенная часть лексики: глаголы определенной семантической группы, так называемые оценочные прилагательные, модальные слова, некоторые существительные, в которых сема оценки может выделяться самостоятельно, наречия» [3, с. 48].

В.М. Никитевич полагает, что «категория оценки выражает и фиксирует в языке субъективную оценку предметов и их признаков со стороны говорящего. Поэтому категория оценки – это прежде всего категория существительных, прилагательных и наречий» [46, с. 83].

С точки зрения языкового выражения Т.С. Дроняева выделяет оценку на следующих уровнях:

а) лексический уровень:

1) предикатные слова с конкретными семами способа прохождения действия или состояния или обозначающие видимую, слышимую, осязаемую сторону внеязыковой действительности:

– глаголы, отражающие сферу наблюдения (напр., заплескалось, оглушены, просияет);

– предикаты-адъективы, обозначающие наблюдаемые эмпирические признаки (цвет, форма, размер, материал и подобные);

2) предикаты с субъективно-оценочными семами:

– предикатные существительные – номинативы – с оценочной семой (напр., паника, ажиотаж);

– прилагательные, наречия, содержащие оценку в семе (напр., уникальный, необычный).

б) Синтаксический уровень:

1) употребление стилистически нейтральных существительных с грамматически определенным, содержащим оценку (напр., чудовищный случай);

2) прием удвоения модальности засвидетельствованности (авторизации) с помощью кавычек» [82, с. 290].

Яковлева А.С., исследуя особенности политической речи, выделяет «основные средства выражения оценочного значения:

а) словообразовательные языковые средства (суффиксы и префиксы, обладающие семой с отрицательной или положительной оценкой);

б) лексические языковые средства:

1) слова, оценочное значение которых заложено в самом слове;

2) слова, получающие оценочное значение в речевом контексте; 3) средства интенсификации оценочного значения.

в) синтаксические языковые средства:

1) конструкции с актуализацией субъекта, объекта оценки, конструкции предикатного типа;

2) экспрессивно-синтаксические фигуры, выражающие оценочное значение (лексический повтор, метафорическое словосочетание и предложение, цитата, парентетическое внесение, восклицательное предложение, риторический вопрос, антитеза, экспрессивное словорасположение, сравнение)» [83, с. 15-17].

Таким образом, оценка – многоплановый феномен, изучаемый целым рядом гуманитарных наук. Исследователи выделяют как положительную, так и отрицательную (негативную) оценку. Оценка тесно связана с понятием

модальности, является своеобразной подсистемой в рамках категории языковой модальности и рассматривается в составе объективно-модальных и субъективно-модальных значений. Наблюдается тесная связь понятий оценки/оценочности, экспрессивности и эмоциональности. Однако эти понятия далеко не тождественны. Собственно оценка может быть выражена практически на всех уровнях языка.

1.2 Оценочные наименования лиц в текстах общественно-политической направленности

Тексты СМИ и различных электронных порталов ориентированы, в силу их стилистических особенностей, на информирование и воздействие, т.е. оценка – обязательный атрибут подобных материалов, поскольку данные тексты призваны отображать социальную оценочность различных важных и резонансных общественных событий. Тексты общественно-политической направленности ориентированы на освещение вопросов, связанных, в том числе, и с деятельностью публичных персон. Этим объясняется огромное количество наименований лиц в подобных текстах.

Оценочная лексика, и в частности, оценочные наименования лиц, представлены в таких текстах разнообразно, и полярность таких оценок зачастую легко прочитывается, причем негативная оценка лиц становится частотным материалом, имеющим конфликтный потенциал.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет наименование лиц по отношению к религии, поскольку религиозные вопросы обсуждаются в современном обществе широко и остро.

Проблеме номинации / наименования / именованя лиц посвящено значительное количество работ в лингвистике. Так В.М. Зарипова в своей монографии «Номинация лиц в языке газеты: эволюция этикетных тенденций» дает исчерпывающий обзор различных трактовок этого вопроса [31,с. 8-32].

В.Г. Гак, интерпретируя термин «номинация», указывает на то, что это не только результат называния, но и процесс [21, с. 230]. Любопытно, что подобную точку зрения на номинацию можно обнаружить и в толковом словаре: «Номинация ж. 1) Называние, наименование чего-л. 2) Результат такого называния. 3) Категория произведений или лиц, из состава которой на фестивалях и конкурсах эксперты выделяют лучших» [29, с. 1001].

«Наименование ср. То же, что: название.

Название ср. 1) а) Словесное обозначение, наименование кого-л., чего-л. б) Имя, кличка. 2) Печатное произведение, имеющее одно заглавие, независимо от количества томов, из которых оно состоит» [29, с. 997].

При анализе термина «номинация/наименование лиц» детализации требует и понятие «лицо»:

«Лицо 1. ср. 1) Передняя часть головы человека. 2) а) перен. Индивидуальный облик, отличительные черты кого-л., чего-л. б) Наиболее показательная, выражающая сущность явления, предмета сторона чего-л. 3) а) Человек как член общества. б) устар. Человек, занимающий высокое общественное положение, пользующийся авторитетом, известностью и т.п.; особа, персоне. в) Человек с его специфическими особенностями; личность. г) Действующее лицо; персонаж. 4) а) перен. Наружная, передняя сторона чего-л. б) Верхняя, лицевая сторона ткани, одежды (противоп.: изнанка). 2. ср. Грамматическая категория, обозначающая отношение производителя действия к говорящему, выражаемая формами глагола и личными местоимениями (в лингвистике)» [29, с. 630].

Итак, в словаре отмечается, что лицо – это 1) человек как существо социальное, 2) известная, авторитетная персоне, 3) индивидуальность, личность, 4) особа – персонаж произведения или действия с присущей ей социальной ролью.

Все эти признаки находят свое отражение в языке в виде наименований, характеризующих человека и как члена некоторого общества, социальной группы (социолингвистический признак), и как члена общества,

имеющего в нем определенный статус (иерархический признак), и как личность (индивидуализирующий признак), и как героя произведения или действия (литературный признак).

Поскольку искусство давать названия и именовать свойственно людям, то именно они и называют друг друга, отражая в названиях все эти признаки, выражая их тем языком, которым владеют (в зависимости от уровня культуры, образованности и проч.). Кроме этого на сам процесс называния накладывается и сложный комплекс взаимодействий людей не только в социуме, где они исполняют социальные роли, но и с т.зр. личных пристрастий, симпатий и т.д. Так возникает потребность выразить эмоции и оценки по отношению к другому, так рождаются экспрессивно-оценочные номинации, передающие разные грани оценок, от высокой почительности (старец, батюшка, отче) до пренебрежительности и неприятия (безбожник, богохульник, попище).

Между тем, собственно номинация необходима в обществе, поскольку благодаря ей возникает возможность создавать упорядоченность и иерархию отношений, что особенно важно в такой сфере, как религия. Так рождаются терминологические нейтральные наименования (епископ, митрополит, иерей, служитель церкви, представитель духовенства, мирянин, религиовед, православный учитель, воспитанник православной гимназии).

Наименования как единицы лексико-фразеологической системы русского языка, обладают признаками как лингвистическими, так и экстралингвистическими. Как единицы лингвистики, они способны вступать в парадигматические и синтагматические отношения. Наименования выражают не только лицо с идентифицирующими признаками, но и характеризуют его, относясь к предикатным знакам. В экстралингвистическом плане этот пласт лексики содержит указания на специфику их функционирования, стилистические особенности, социальную обусловленность.

Спецификой наименований лиц, в сравнении с номинацией других объектов мира, является тот факт, что при описании такого сложного понятия, как человек, по отношению к одному и тому же лицу могут быть применимы разнообразные наименования.

Так одно и то же лицо может быть названо в плане идеологии: верующий, христианин, православный; в плане профессии: священнослужитель, протоиерей, представитель белого духовенства, настоятель храма; в плане отношения к нему прихожан: батюшка, поп, отец.

Специфика этих наименований проявляется ещё и в том, что в предложениях они приобретают дополнительные идентифицирующие признаки, о чем в свое время писал А.М. Пешковский: «Дело в том, что каждое слово вообще может употребляться в общем и частном значении[...]. Человек, входящий впервые в ворота какого-нибудь дома и желающий «видеть дворника», употребляет слово это совсем не в том смысле, в каком употребляет управдом, когда велит позвать к себе дворника... [...] Хотя каждое слово вообще может употребляться в обоих смыслах, однако есть слова, которые употребляются преимущественно в общем смысле... и есть слова, употребляющиеся преимущественно в частном смысле...» [55, с. 370].

Е.А. Маклакова в своей монографии «Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика)» отмечает: «Если предметы обычно называют своим «родовым» именем, не способным обеспечить идентичность референта, то наименования, используемые для обозначения людей – это также и индивидуализирующие знаки: Кто это? – Военнослужащий, генерал, ветеран, старый вояка, известный донжуан. Кто сидит за столом? – Руководитель, классный специалист, восходящее светило, умница и красавица. Кто идет по улице? – Школьники, подростки, озорники, гроза района. Подобные знаки речевого общения, номинирующие некоторое лицо или группу лиц, отличаются многочисленностью, поскольку всякий именуемый объект, тем более человек, обладает множеством признаков,

каждый из которых может актуализироваться в речи и послужить основой для речевой номинации» [40, с. 22].

Прагматическая функция исследуемой группы слов обуславливает их способность выражать в семной структуре, кроме собственно денотата и коннотата, всевозможные экспрессивные и эмоционально-оценочные признаки: батюшка, безбожник, бесогон, блудодей, выкрест, долгогривый, дьячок, кутейник, нехристь, попик, попище, попоед, поп-байкер, лже-поп, псевдоархимандрит, религиозный мошенник, святоша, старец.

В представленной группе наименований наблюдается эксплицитно или имплицитно выраженные оценки, эмоции: одобрение, осуждение, ирония, неприятие и проч.

Также данные наименования содержат информацию о половом (чернец – черница, белец – белица, поп – попадья, дьяк – дьячиха, диакон – диаконица, игумен – игуменья, монах – монахиня, просвирня, келейник, сестра – брат, батюшка – матушка), возрастном (отрок, старец, попенок, попович, поповна,) и иерархическом расслоении (иерей, иерарх, протоиерей, архимандрит, митрополит, епископ, патриарх), к которой принадлежат номинируемые.

Отметим особенность данной группы слов при обозначении пола. В рассматриваемых наименованиях сохраняются признаки, свойственные русскому языку при обозначении лиц по профессии, когда употребляется наименование мужского рода применительно как к мужчинам, так и женщинам, например: отец-эконом, мать-эконом. Примечательно, что есть целый ряд наименований, не имеющих пары в женском роде, что связано с особенностями практики богослужения: женщины к исполнению священных таинств не допускаются, поэтому практически все религиозные чины и саны (за исключением разве что игуменьи, настоятельницы женского монастыря) обозначают лиц мужского пола: иеромонах, архимандрит, благочинный, священноначальник, местоблюститель, митрополит, схиархимандрит, патриарх.

В таких парных наименованиях, как поп – попадья, дьяк – дьячиха, диакон – диаконица, второй компонент – это наименование лиц женского пола не по профессии, а по матримониальному признаку, по типу: профессор – профессорша, т.е. жена номинируемого профессора.

В настоящем исследовании мы придерживаемся термина наименование лиц, сформулированного Е.А. Маклаковой: «Языковая единица лексико-фразеологического разряда в системе языка, которая служит для обозначения какого-либо человека как существа разумного, являющегося носителем каких-либо характерных качеств, принадлежащего к какой-либо социальной среде» [40, с. 19].

Личные имена и фамилии, в том числе гипокористические (бытовые) личные имена, а также всевозможные модификации личных имен и фамилий реальных лиц или отантропонимических (единичных) прозвищ, за исключением случаев тропеического употребления последних, например, при антономазии (гапоны нашего времени), в список исследуемого объекта не включены вследствие их малой семантической информативности.

Отметим, что изучаемый пласт лексики характеризуется наличием семной структуры, определенным звуковым комплексом с закрепленными за ним постоянными значениями.

Также выделяются традиционные критерии изучаемой группы слов с позиций разных областей лингвистики:

1. семантические: предметность, одушевленность, обозначение лица;
2. словообразовательные: образование при помощи суффиксов, аффиксов, префиксов и др.
3. морфологические: род, лицо, падеж, изменяемость/неизменяемость и др.
4. синтаксические: сочетаемость с другими словами и значение в контексте.

В состав данного разряда слов входят наименования первичной или вторичной номинации (поп – попоед, дьяк – дьячиха), прямой или

переносной (его кличка – «Поп»), синтетические (старец, паломник) или аналитические (представитель епархии, православный врач).

С точки зрения лексического состава наименования лиц по отношению к религии включают в себя слова (корневые, производные, сложные): *пилигрим, паломник, анахорет, отшельник, столпник, затворник, дьякон, протоиерей, архипастырь*; субстантивные и фразеологические словосочетания: *ангел во плоти, настоятель архиерейского подворья, бывший православный священнослужитель*.

С точки зрения словообразования в изучаемой группе наблюдаются такие способы образования номинаций, как суффиксация, префиксация, субстантивация.

Наиболее частотные наименований лиц, представленные в русскоязычных словарях, образованы суффиксально:

-ец: *чернец, белец, поповец, черноризец, страстотерпец, рясоносец*;

-иц: *черница, белица, чернорясница, послушница, келейница, дьяконица, церковница*;

-их: *дьячиха, попиха, пономариха*;

-ник: *мученик, хлебник, безбожник, иеросхимник, причетники, чернорясник, кутейник, раскольник, духовник, исповедник, алтарник, послушник, келейник, затворник, отшельник, пустынный, праведник, церковник, религиозник, священник, паломник*;

-щик: *псаломщик*;

-тель: *святитель, церковнослужитель, местоблюститель, креститель, пустынножитель, предстоятель, вероучитель*;

-арь/ -ырь: *вратарь, ключарь, пастырь, пономарь*;

-ий/ -ей: *благочинный, подьячий, иерей, ризничий*;

-ист: *атеист, библиист, теист*;

-ин/ -нин: *монахиня, инокиня, мирянин, христианин, прихожанин*;

-ств: *архиерейство, паства, священство, духовенство, иерейство*.

Среди изучаемых наименований встречаются и слова с уникальными аффиксами, напр., *попадья*.

Следует отметить, что словообразовательные суффиксы способствуют передаче в семантике исследуемой группы слов чувств, эмоций и оценок: ласкательные (*батюшка, матушка, братец, сестрица, монашенка*), уменьшительно-ласкательные (*чертенок, бесенок*), оценочные (*попище*), пренебрежительные (*попик, попишка*), иронические (*кутейник, жеребьячья порода, долгогривый* и др.).

Существенная особенность словообразования данной группы – заимствованная лексика. Большинство стилистически нейтральных наименований отражено в словарях иностранной лексики и имеет греческое или латинское происхождение, напр.: *архидиакон, архиепископ, архиерей, архимандрит; иерей, иеродьякон, иеромонах; пресвитер, протодьякон, протоиерей, протопресвитер; схимандрит, схииеромонах, схиигумен, схимник/схимонахиня; экзарх* и др.

Семантика этих наименований тесно связана с их происхождением. Как отмечает В.С. Ефимова: «Наименования лиц, имеющих определенную иерархическую степень в христианской церкви представляют собой почти исключительно грецизмы, наименования отшельников, подвижников, страдальцев и монахов – почти исключительно славянские образования» [28, с. 153].

Исторически сложившиеся наименования образованы при помощи аффиксоидов. Продемонстрируем это на нескольких группах.

Так в словаре-справочнике «Аффиксоиды русского языка» авторов Н.А. Козулиной, Е.А. Левашова и Е.Н. Шагаловой содержатся следующие аффиксоиды: ...АРХ (*патриарх, иерарх*), АРХИ... (*архиепископ, архиерей, архисвяtitель*), ИЕРО... (*иеросхимник*), ПРОТО...(*протопресвитер, протодьякон, протопон*), СХИ... (*схиигумен*).

«...АРХ, а, м. (<греч. archos – правитель, военачальник)

– глава самостоятельной церкви или отдельной церковной области. [Царь:] *Владыко патриарх, Прошу тебя пожаловать в палату: Сегодня мне нужна твоя беседа.* А.С. Пушкин, Борис Годунов. *После 1801 года.. было решено подчинить духовенство.. синоду и экзарху.* История СССР (под ред. М. Начкиной), 1955. *Но чем отчетливее вырисовывается облик полуголодного ересиарха.., тем более расплывчатым кажется контекст.* Независ. Газета .12.1999. □ Иерарх» (34, с. 27).

«АРХИ...(<греч. archi – главный, старший)

– являющийся старшим в церковном чине. *Не нужно напоминать вам имя архипастыря, который много лет подвизался на пользу подвластным нам американских племен.* И. Гончаров, Фрегат «Паллада». *Возгласами архидьякона наполнялся.. весь собор.* А.Н. Толстой, Петр Первый. *В Севастополе все знают историю своего героического города и гордятся ею. А как же не гордиться Малаховым курганом, церковью святою архистратига Михаила.* Известия 13.1.1965. □ Архиепископ, архиерей, архисвяtitель» (34, с. 28-29).

«ИЕРО... (<греч. hieros - священный)

– являющийся монахом в указанном далее сане. *Так прожил Касатский в первом монастыре, куда поступил, семь лет. В конце третьего года он был пострижен в иеромонахи с именем Сергия.* Л. Толстой, Отец Сергий. *Одним из многих спутников моих по скитаниям был московский иеродьякон, путешествовавший по «святым местам».* И. Соколов-Микитов, Голубые дни. *Именно тогда переехал туда [в Вырицу] иеросхимонах Серафим.* Смена 11.3.2001. □ Иерокирикс, иеросхимник» (34, с. 101).

«ПРОТО...(<греч. prōtos – первоначальный, первичный)

– занимающий в церковной иерархии более высокое положение, чем то, которое указано в слове далее; старший. *За черным катафалком.. очень медленно шагали.. церковные чины в фиолетовых камилавках, протопресвитеры.* В. Беляев, Кто предал? (Молодая гвардия, 1961, 12). *На амвон вышел.. протодьякон в белой серебряной ризе.* С. Скиталец, Октава.

Одновременно было указано о производстве его в протоиереи, или, по-простонародному, в протопопы, - звание, наивысшее для священника из белого, не монастырствующего духовенства. Н. Вирта, Вечерний звон» (34, с. 199-200).

«СХИ... (<схима)

– такой, который принял схиму (о лице монашествующего чина). Схимонах Мардарий жил в землянке у церковной стены сзади алтаря. М. Горький, Исповедь. На кладбище сохранились две игуменские могилы – игумена Ионафина... и схиигумена Маврикия. Б. Казанков, Тропами Валаама, Путеводитель, 1994. Когда-то будущий схиигумен Маврикий побывал в Иерусалиме и привез оттуда частицу Гроба господня, которая была вмурована в тяжелую гранитную плиту. СПб ведомости 18.7.2007. □ Схимонахиня» (34, с. 234).

Выделяются и словарные единицы старославянского, древнерусского происхождения, такие как *инок/ инокия; причт/ причетники; чернец/ черница, черноризец* и др. Традиционное деление на белое (женатое или в целибате) и черное (монашествующее) духовенство порождает названия, типа *чернец/ черница, черноризец*.

Группа оценочной лексики (как положительной, так и сниженной) представлена единицами, преимущественно русского происхождения, ср.: *батюшка / батя, батька; матушка; долгогривый* (устар. прост. ирон.); *жеребьячья порода* (устар. прост. ирон.); *из колокольного звания* (устар. прост. ирон.); *кутейник* (устар. прост. ирон.), *кутья с патокой* (устар. прост. ирон.); *личность колокольного происхождения* (устар. прост. ирон.).

Данные оценочные наименования относят нас к реалиям жизни семинаристов и бурсаков XIX в.. Эти прозвища учащихся духовных учебных заведений связаны с отношением к ним в обществе как к недалеким и неразвитым людям, чему зачастую способствовала и обстановка их обучения и воспитания.

Учитывая специфику происхождения и употребления данной группы номинаций, отметим также наличие сложных слов, образованных путем сложения или парасинтетического словообразования и обозначающих наименования лиц по профессии или характеру выполняемого действия: *казначей, попоед, хоругвеносец, богоискатель, богохульник, бесогон, боголюбец, хриstopродавец, псевдоархимандрит, богомольница, старообрядец, обрядовер, раскольник, иудеохристиане.*

Еще один способ образования наименований лиц – переход из одной части речи в другую: *верующий, исповедующийся, святой, православный, воцерковленный.* Далеко не всегда этот процесс перехода завершен, и в некоторых случаях употребления можно говорить о функциональной или контекстной субстантивации. Ср.: *Человек воцерковленный к посту привыкает и начинает его любить. – Воцерковленные – наименование православных, не просто крещенных в православной церкви, но и соблюдающих обрядовую сторону религии – пытающихся жить по-православному.*

Слова, образованные при помощи усечения основы, крайне редко используются при наименовании лиц по отношению к религии и носят разговорный характер, например, *нехристь.*

Лексико-семантический способ образования наименований лиц связан с изменением семантического объема слова, расширением или сужением значения, а также явлениями, напрямую связанными с полисемией, – метафорическим и метонимическим переносом значения и, как следствие, образованием семантического сдвига или изменением семантики исходной номинации.

Как справедливо отмечает Е.А. Маклакова: «Лексические единицы, используемые для наименований лиц в своем прямом значении – это преимущественно идентифицирующие знаки, для которых типична многофункциональность, в то время как лексемы и фразеологизмы, употребляемые в переносном смысле, выполняют в своем подавляющем

большинстве идентифицирующе-характеризующую функцию, то есть им свойственна бифункциональность, а некоторым из них присуща ярко выраженная характеризующая функция» [40, с. 20].

Нами предпринята попытка подразделить наименования лиц по отношению к религии на 4 крупных тематических блока:

1. те, кто связаны с религией профессионально (религиовед, богослов, религиозный философ, ректор православного института);
2. те, кто связаны/ не связаны с религией идеологически (верующий/неверующий);
3. те, кто связаны с религией конфессионально (чины и саны церкви);
4. прецедентные имена и наименования, не всегда обозначающие лицо (*театр «Пилигрим», его кличка – «Поп»*).

Данные группы наименований особенно часто встречаются на страницах газет и электронных изданий. Также отметим, что в рамках настоящего исследования объектом рассмотрения стали наименования лиц как по отношению к религии вообще, так и наименования по отношению к двум конфессиям – христианство (православие) и ислам, как наиболее частотно обсуждаемым в российском обществе.

Итак, теория номинации, обращаясь к наименованию лица, отмечает, что номинация предполагает не только результат, но и процесс именованя. Подобные именованя могут быть как нейтральными, так и оценочными с положительной и отрицательной коннотацией, причем оценочный компонент нейтральных наименований может быть выявлен только в контексте. Наименования с оценочной семантикой по происхождению преимущественно русскоязычные, нейтральные номинации, в большинстве своем, представлены заимствованной лексикой. Оценочные наименования лиц образуются различными способами на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях языка. В рамках предлагаемого исследования особое внимание направлено на изучение негативно-оценочного компонента семантики в номинациях лиц по

отношению к религии (христианство и ислам) в силу того, что именно эти номинации всё более часто становятся предметом исследования при разрешении конфликтных ситуаций в судебной практике.

1.3 Анализ негативно-оценочных высказываний в отношении лиц в лингвоэкспертной теории и практике

На современном этапе следует отметить несколько направлений в исследовании и выявлении в общественно-политических текстах негативной оценочности лиц в рамках судебной лингвистической экспертизы по следующим категориям дел:

1. по спорным речевым произведениям в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда (**ГК РФ Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации**): содержится ли негативная информация о лице и в какой форме (утверждения о фактах или оценочного суждения);

2. по спорным речевым произведениям в связи с административными делами по обвинению в оскорблении (**КоАП РФ Статья 5.61. Оскорбление**): содержится ли негативная информация о лице и в какой форме (приличной или неприличной);

3. по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в клевете (**УК РФ Статья 128.1. Клевета**): содержится ли негативная информация о лице и в какой форме (утверждения о фактах или оценочного суждения);

4. по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в неуважении к суду, оскорблении представителя власти и др. (**УК РФ Статья 297. Неуважение к суду; УК РФ Статья 319. Оскорбление представителя власти**): содержится ли негативная информация о лице и в какой форме (приличной или неприличной);

5. по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в экстремистской направленности, с уголовными делами по обвинению в экстремистской деятельности, а также по обвинению в возбуждении расовой, национальной и социальной ненависти и вражды (**УК РФ Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства**): содержится ли негативная информация о лице как представителе группы лиц или о группе лиц;

б. по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в оскорблении чувств верующих (**УК РФ Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий**): содержится ли негативная информация о лице как представителе группы лиц или о группе лиц [12, с. 8-9], [51].

Следует отметить, что практически по всем перечисленным категориям дел недостаточно просто установить наличие негативной информации и оценочности. Важно выяснить не только знак оценки (положительная или отрицательная/ негативная), но и её направленность на конкретное лицо/ группу лиц, а также форму и цель, с которой эта оценка используется в изучаемом спорном речевом произведении.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет оценка лиц, в силу разных причин связанных с религиозной деятельностью (от ученых-религиоведов до священнослужителей). В лингвоэкспертной практике тексты с оценкой деятельности подобных лиц становятся предметом разбирательств преимущественно по двум категориям дел: о защите чести, достоинства и деловой репутации (если речь идет об оценке лица как личности) и об экстремизме (если негативная оценка связана с деятельностью лица как члена группы или представителя организации).

При анализе спорного фрагмента лингвисту необходимо различать негативную информацию и негативную оценку. «Под негативной информацией эксперты понимают такую информацию (сведения), которая содержит отрицательную характеристику лица (или другого объекта) с точки

зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если такая информация не соответствует действительности, то она, несомненно, чернит репутацию» [9, с. 200].

Негативная/отрицательная оценка, чаще всего, выражается в форме субъективного суждения, и ее наличие/ отсутствие в спорном тексте является юридически значимым.

Так, методические материалы ГЛЭДИС описывают значимые в юридическом процессе понятия суждения и сведения: «Что оценивают оценочные суждения? Они могут оценивать либо само событие («первый этаж»), либо факт, т.е. истинное суждение о событии («второй этаж»). (...) Оценочные суждения пользуются различными языковыми средствами, когда относятся к событию или факту: в первом случае это наречие, предикатив, слово категории состояния, во втором случае – модальные высказывания или вообще сложные синтаксические конструкции. События оцениваются эмоционально, факты – как правило, рационально. Оценки событий и фактов могут быть независимы друг от друга» [56, с. 3].

Обращаясь к термину сведения, авторы отмечают: «Сведения можно разделить на следующие классы:

- а) сведения о том, что событие произошло/ не произошло;
- б) сведения, содержащие истинное суждение / ложное суждение о событии. Истинное суждение о событии есть факт или фактологическое суждение;
- в) сведения, содержащие только суждения о событии/ содержащие оценку этого события (оценочные суждения);
- в) оценочные суждения, относящиеся к событию/ относящиеся к суждению о событии» [56, с. 4-5].

Форма выражения сведений, по мнению авторов может быть «различной:

1. Открытая вербальная (словесная) форма, когда сведения даны в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний, причем новая информация дана в предикативной части высказывания (является предикатом, логическим сказуемым). Например: (Вор) у вора дубинку украл.

2. Скрытая вербальная (словесная) форма, когда

3. Пресуппозитивная (затекстовая) форма, когда информация

4. Подтекстовая форма, когда информация» [56, с. 8].

В настоящее время имеются монографии, а также целый ряд методических пособий по выявлению в спорных текстах негативно-оценочной информации с целью установления юридически значимых компонентов их содержания.

Так в одном из первых учебных пособий по лингвистической экспертизе текста А.Н. Баранов отмечает, что из всего многообразия методов анализа семантики в экспертном исследовании требуется провести семантический анализ текста, который «заключается в представлении плана содержания слова на одном из семантических метаязыков, позволяющих более эксплицитно передать его значение и описать системные отношения с другими словами, связанными с ним отношениями (квази)синонимии, антонимии, части и целого, рода и вида и т.д.» [8, с. 300]. «Иными словами, в практике лингвистических экспертиз для семантического анализа используются более развернутые, эксплицитные выражения, синонимичные или по крайней мере квазисинонимичные толкуемому, описываемому слову или словосочетанию, однако семантические экспликации, как правило, упрощаются» [8, с. 300]. Таким образом, наиболее продуктивными являются метод синонимических преобразований и метод словарного анализа слова, а при необходимости проводится и «оригинальное семантическое исследование – особенно в тех случаях, когда словарной информации нет или она искажена, неточна, а то и просто устарела» [8, с. 301].

И.А. Стернин, обращаясь к описанию принципов, методов и приемов лингвистической экспертизы, указывает на необходимость учитывать диагностические лингвистические маркеры, специфические для каждой категории дел. Обращаясь к анализу основных принципов семантического анализа в лингвокриминалистике, автор выделяет следующие «принципы:

- 1) учет многозначности слов и выражений;
- 2) учет контекста употребления спорного слова или выражения;
- 3) учет ситуации употребления спорного слова или выражения;
- 4) учет реального языкового сознания рядового носителя языка;
- 5) учет типа текста;
- 6) учет скрытых смыслов в тексте;
- 7) учет социально-политической ситуации и времени создания (публикацию) текста» [69, с. 58].

И.А. Стернин подробно останавливается и на «методике описания значения слова или выражения в спорном тексте», где анализу семантики слова в спорном фрагменте отведены пп.6-10:

«6. Используя словари, справочники и метод обобщения словарных дефиниций, выполнить унифицированное словарное описание спорных языковых единиц.

7. Атрибутировать значения спорных языковых единиц, используемых в тексте, выделенным в результате унификации словарным дефинициям.

8. Описать лингвистические маркеры, подтверждающие, что исследуемая языковая единица реализована в спорном тексте именно в этом значении.

9. Если употребление слова в спорном тексте не атрибутируется ни одному из выделенных значений, предпринять дополнительное исследование по Национальному корпусу русского языка, специальным словарям, справочникам и сформулировать данное значение. Описать лингвистические маркеры, подтверждающие реализацию спорного слова именно в данном значении.

10. При подготовке текста экспертизы при ответе на вопрос о значении той или иной языковой единицы в спорном тексте сначала привести описание значений данной единицы в языке, затем одному из описанных значений атрибутировать употребление исследуемого слова в спорном тексте и привести лингвистические маркеры, подтверждающие его актуализацию в спорном тексте» [69, с. 95].

Наиболее подробно, на наш взгляд, методику выявления оценочных смыслов в тексте предложили авторы О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секеранж. При анализе семантики так называемых «экстремистских» текстов с лингвистической точки зрения авторы предлагают «рассмотреть три компонента значения высказывания: 1) предметно-тематический (о ком/чем говорится); 2) оценочно-экспрессивный (как оценивается то, о чем говорится, какие эмоции вызывает); 3) целевой (зачем это говорится)» [72, с. 34]. Таким образом, выявление оценки становится важным и необходимым этапом лингвистического исследования спорного речевого произведения при производстве лингвистической экспертизы (в т.ч. в составе комплексной экспертизы).

В качестве основного метода предлагается лингвистический анализ языковых/ речевых средств.

Так на первом этапе авторы методики предлагают установить анализ содержательного типа высказывания – описательно-информирующего, оценочного, планирующего, побудительного [72, с. 48]. При анализе оценочной стадии изложения авторы исходят из анализа «основных содержательных разновидностей оценочных высказываний: (а) описания собственного отношения к ситуации, предмету речи (Это для меня/ нас плохо хорошо; Он плохой/хороший, свой/чужой, равен/ не равен, достоин уважения/ не достоин, нарвится/ не нравится); (б) описания «общепринятого» отношения к предмету речи (Его считают... Их боятся) и согласие/ несогласие с ним; (в) характеристики роли предмета речи в конфликтной ситуации и описания отношения к нему: друг/ враг, противник/ сторонник,

виновен/не виновен (В этом виноваты они); (г) описание своей позиции в конфликте. Здесь возможна либо солидаризация с одной из сторон (полная либо частичная) (Я на стороне тех, кто..., Мы.../Они...), либо фиксация равноудаленности, нейтральности (Я не поддерживаю ни тех, ни других; Я хочу объективно разобраться в ситуации.) » [72, с. 50].

При рассмотрении собственно оценочной информации авторы методики предлагают использовать перечень «типов оценок, регулярно выражаемых языковыми средствами: (1) общая оценка типа «хороший/плохой» (собственно оценка, или аксиологическая оценка) (Как автор оценивает предмет речи - как хороший/плохой?); (2) эмоциональная (экспрессивная) оценка «нравится/ не нравится» (Какое эмоциональное отношение к предмету речи высказал автор? Как автор характеризует эмоциональное состояние, чувство, вызываемое предметом речи?); (3) оценка типа «достойн/недостойн предмет речи определенного социального статуса и соответствующего ему отношения» (Достойн или не достоин, равен/неравен, заслуживает/не заслуживает звания, должности, равных прав и пр., по мнению автора?); (4) оценка типа «мы/они/третья сторона», «свой/чужой»(Включает ли автор себя в одну группу с предметом речи или считает себя его противником/третьей стороной?); (5) модальная оценка (Какие действия считает автор необходимыми, допустимыми, возможными, желательными по отношению к предмету речи?); (6) оценка по степени важности для автора (Считает ли автор предмет речи главным, основным?). Эти типы оценок тесно связаны между собой как семантически, так и по средствам выражения. Эмоции и оценка статуса часто выражаются через общую оценку «хорошо/плохо»; мнение о допустимых действиях формируется на базе общей и эмоциональной оценки. При анализе оценочной информации обязательно должно определяться: (а) кому принадлежит оценка (Кто является субъектом отношения – автор текста или кто-то иной?); (б) чем обосновывается оценка (Чем аргументирует автор свое отношение, чувство?). Для различения критики и выражения негативного

отношения к лицу важно также обратить внимание на то, (в) что именно является непосредственным объектом негативной оценки – само лицо или же его поведение, отдельные важные для ситуации свойства и пр. (Что оценивает автор – предмет речи или его поведение?). Автор оценивает не только предметы речи, но и свою собственную речевую деятельность, сказанное им. Поэтому в тексте присутствуют также особые оценки, касающиеся этой деятельности. Их анализ носит вспомогательный характер. Среди них важны: (7) оценка сообщаемого с точки зрения его истинности, достоверности – далее информационная оценка (Как автор подает сказанное – как мнение/знание, достоверное/предполагаемое и пр.); (8) оценка формы изложения (Как автор оценивает сказанное им с точки зрения норм речевой деятельности, т.е. грубости, категоричности, точности номинации и пр.)» [72, с. 56-57].

Итак, установление сказанного и его описание при производстве лингвистической экспертизы включает в себя именно комплексный лингвистический анализ трех обязательных компонентов значения высказывания, где выявление негативной оценки является существенным и юридически значимым.

Выводы по первой главе

В главе 1 – Современная проблематика лингвокриминалистических исследований оценочных высказываний – показано, что оценка – предмет внимания гуманитарных наук в целом. При этом подчёркнуто, что в лингвистике особое значение придаётся тесной связи оценки с понятием модальности. Оценка является своеобразной подсистемой в рамках категории языковой модальности и рассматривается в составе объективно-модальных и субъективно-модальных значений.

– рассмотрены работы по изучению лингвистической категории оценки отечественных лингвистов, внёсших определяющий вклад в развитие данной

сферы знания – Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф. Оценка дефинируется в лингвистических работах как социально устоявшееся и закреплённое в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта (лица, лиц, коллектива) к объектам действительности, как компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта;

– обозначено, что та или иная (положительная или отрицательная) оценка субъекта речи по отношению к объекту высказывания может быть выражена различными языковыми средствами. Иначе говоря, оценочный аспект текста складывается из значений, которые реализуются на всех уровнях языка – лексике, в морфологии, синтаксисе;

– выявлено, что оценка актуализируется именно лексико-семантическими средствами языка, выражающими ее эксплицитно и имплицитно, денотативно и / или коннотативно, прямыми номинациями, определениями-характеристиками или через характер совершаемых действий (глагол-сказуемое). В словообразовании же положительная или отрицательная оценочная модальность, как правило, реализуется суффиксами субъективной оценки;

– доказано, что лексические и словообразовательные единицы языка эксплицитно выражают позитивную и негативную оценку в тексте. Фонетические и синтаксические языковые средства самостоятельно оценивать объект не могут. Они обнаруживают себя на фоне ведущих смыслообразующих (лексических, словообразовательных) элементов. Следовательно, значение положительной или отрицательной оценки может выражаться ими только имплицитно. Иначе говоря, имплицитные компоненты значения выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах и синтагмах, то есть через лексико-семантические оппозиции и контекст;

– констатируется, что применительно к экспертной практике на современном этапе существует несколько направлений в исследовании и

выявлении в общественно-политических текстах негативной оценочности лиц в рамках судебной лингвистической экспертизы по разным категориям дел;

– отмечается, что по всем перечисленным категориям дел необходимо установить наличие негативной информации и оценочности, а также выяснить знак оценки (положительная или отрицательная/ негативная), её направленность на конкретное лицо/ группу лиц, а также форму и цель, с которой эта оценка используется в изучаемом спорном речевом произведении. То же касается и предмета исследования, именно оценки лиц, в силу разных причин связанных с религиозной деятельностью (от ученых-религиоведов до священнослужителей);

– рассмотрены методики анализа семантики слова в спорном тексте А.Н. Баранова, И.А. Стернина, а также методика выявления оценочных смыслов в тексте, разработанной коллективом авторов О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секеранж.;

– отмечено, что при анализе семантики так называемых «экстремистских» текстов с лингвистической точки зрения необходимо рассмотреть три компонента значения высказывания: 1) предметно-тематический; 2) оценочно-экспрессивный; 3) целевой.

Таким образом, выявление оценки становится важным и необходимым этапом лингвистического исследования спорного речевого произведения при производстве лингвистической экспертизы (в т.ч. в составе комплексной экспертизы).

Глава 2 Лингвокриминалистические подходы к квалификации оценочных наименований лиц по отношению к религии

2.1 Общеупотребительная номинация с оценочным компонентом значения как предмет конфликта (слово *поп* и его производные)

В современных контекстах, особенно в текстах публицистического стиля, наблюдается контекстуальное приращение смысла исходного наименования. Это происходит по разным причинам: авторами движет стремление завуалировать либо разнообразить текст, что невольно приводит к языковой игре, к нестандартному употреблению слова, к поиску новых смыслов в затертых метафорах и стандартных фразах.

Особенно активно эти процессы затрагивают слова с неоднозначностью в семантике, вызванной многими факторами: исторической изменяемостью лексики, процессами в обществе и проч. В любом случае, когда эти процессы затрагивают наименования лиц, речь идет, прежде всего, об отношении к социальной группе, статусу, характеризующему лицо.

В современном русском языке есть несколько слов, функционирующих в сфере, связанной с религиозным сознанием, которые неоднозначно воспринимаются разными носителями языка. К таким словам относится, например, слово *поп*. С давних времен складывались не всегда простые и близкие взаимоотношения между мирянами и духовенством, т.е. между прихожанами и попами. Отголоски этих процессов мы находим в русском фольклоре, в литературе XIX-XX вв. Пожалуй, ни одно наименование не претерпело таких существенных изменений в семантике как слово *поп*.

Слово *поп* имеет давнюю историю в русском языке. Поп – герой многих жанров русского фольклора (сказок, пословиц, поговорок, чистоговорок, докучных сказок и т. под.). Тупиков Н.М. указывает, что имена собственные с этим словом и его производными встречаются в

источниках с 1400 г. [74, с. 315]. Современные исследования в области этимологии показывают, что «Поп – священник (разг., уничиж.); рюха, которую ставят вертикально в игре городки. ▲ В рус. языке XI–XVII вв. изв. поп, попадьишко, попадаиа, попадаья, попась, попин, попище, попишко, попов, попова, попович, поповский, поповственный, поповство, поповый. ▲ Через цслав. из балкано-романск. *por, pore*, результата вульгаризации лат. *papa*. Первоисточник: др.-греч. *πάπας* «титул главы александрийской или карфагенской христианских общин во II–III вв. н.э.». Слово могло попасть в праслав. язык из народных лат. говоров в середине IV в. н.э. в Паннонии и Трансильвании, куда Аттила переселил огромное количество пленных из Иллирика и Паннонии. См. папа» [81, с. 171].

Отметим, что данный этимологический словарь дает стилистические пометы, отнесенные слову поп в современный период, словари же XIX в. указывают на греческое происхождение слова, не давая каких-либо стилистических помет, ср.: «Поп, Прол; Март: 10. Есть речение испорченное, вошедшее в употребление в грубые времена вместо папа, то есть отца» [4, с. 263]; «Поп [под. попа] м., а стар. иногда попин [греч. *πάππας*], священник, иерей, пресвитер; человек поставленный, посвященный, помазанный, рукоположенный в духовный чин или сан пастыря душ. Черный поп, стар. иеромонах. Поп, папа, конечно общ. корня, отец; поминается у нас впервые в Песнословии Пророков, 1047 г. Купить попа, стар. облюбовав попа из чужого прихода, давали туда вклад, или на богадельню. || Поп, в игре в городки, рюхи, чушки: выбитая из кона чушка, ставшая опять торчком или на попа, что говор. и о бочке, или тюке; стойком, торцем, торчмя; в игре в козны, бабки, при конании, то же, стоячее положение бабки» [24, стб. 803]; «Поп – священник. Прол. Мар. 10. Это испорченное слово, вошедшее в употребление вместо греч. *πάππας* папа, т.е. отец» [25, 456].

Упомянув Песнословие Пророков, 1047 г., В.И. Даль имеет в виду хрестоматийно известную приписку «азьпопьюупирьлихьи», толкование которой до сих пор вызывает интерес у исследователей [13].

Обратим внимание на тот факт, что П.А. Алексеев – составитель словаря и представитель общественной группы «просвещённого» духовенства, возникшего в XVIII в.– дает значение, поддержанное затем Г. Дьяченко, и актуализированное в наши дни: «Поп – испорченное слово».

У М. Фасмера в издании 1987 г. читаем: «Поп, род.п. – а, в настоящее время имеет презрительный оттенок знач., укр. піп, род.п. попа, блр. поп, др.-русск., ст.-слав. попь [...] «священник, учитель»» [75, с. 326].

Следует отметить, что данное слово не всегда имело статус разговорного и экспрессивно-оценочного, сниженного. Вплоть до конца XVIII в. оно носило терминологический характер и буквально называло священника. Приведем выдержки из законодательных документов Петра I, а именно из нормативного акта «Духовный регламент» (1725 г.), в котором регулируется правовое положение церкви: «Число особ правительствующих доволное есть, 12. Быть же лицам разного чина: архиереом, архимандритом, игуменом, протопопом» [27, с. 577]; «26. Не дерзать священнику самоволно, без благословения своего епископа, приставать к полку воинскому, и воинским властям не принимать таковых; за преступление же сего священника взять под жестокое наказание, а власти воинская [аще же кто не обманом поповским, но самоволием так погрешит и силою попа заступать станет] епископом о том писать в Синод, а из Синода будет о управе искано в Военной коллегии» [27, с. 592]. Как видим, протопоп – официальный чин, а поп и поповский упоминаются в документе по отношению к священнику.

В.И. Даль приводит в своем словаре производные слова от поп: попин –безпоповщина – поповщина – поповство – поповец – попадаья/ попадейка – попович – поповна/ поповична – поповка – попёнок – попова – поповские – поповник (растение) – попы (растение) – распоп/ распопа – напопа и др.

Отдельно у В.И. Даля следуют и «терминологические» слова типа безпоповщина, поповец, поповка и поповщина, которые обозначают следующее: «Безпоповщина ж. множество толков раскольничьих, непризнающих вовсе нынешняго священства и утверждающих, что со

времени исправления церковных книг настало царство антихриста; это же изуверное убеждение прилагают они и к гражданской власти и порядку; это поморцы, спасовщина, нетовщина и пр.» [24, стб. 174]. «Поповец [-вца] м. раскольник поповщины; || ниж. Семинарист. Попович и поповна ж., пск. Попёнок [-нка, м.], сын или дочь попа, дети священника. Попёнок, принадлежащий к духовному сословию. пск. Опд. Поповий, что к попу относится. [1. Поповка см. поповец]. 2. Поповка ж. круглое броненосное судно, построено по системе вице-адмирала Попова. || Водка с завода Попова. [Поповна см. поповец]. Поповство ср. священство, иерейство, пресвитерство; сан, чин, званье попа. Поповство холопство, а дьяконство барство, говорит поп. Поповщина ж. собир. Попы; весь причт; все поколение духовенства. || все раскольничьи толки, признающие попов, а с ними и таинства; но, требуя отречения от нынешних обрядов служения, поповщина принимает только беглых попов, переправляя их. Попов, пск. попин, все что лично его [24, стб. 784]. «Распопа или распоп м. разстриженный поп; распопиха ж. жена его; распопич м., распопична ж. дети его: сын, дочь. Распопов, распопин, ему прндлжщ. Распоп не поп, а поповичи распоповичи» [24, стб. 1618]. Как мы можем наблюдать, никаких стилистических помет в статьях нет.

Примечательно, что «Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII – XIX вв.» приводит толкование только двух следующих слов: «Попович, а, м. Сын священника, попа [Чертопханов:] А казак оказался поповичем и бесчестия с меня содрал сто двадцать рублей. Тург. Записки ох. Поповна, ы, ж. Дочь священника, попа. С вальком поповна толстая Стоит, как стог подщипанный, Подтыкавши подол. Некр. Кому на Р.» [32, с. 143].

БАС дает значения этих и некоторых других производных слов: «Попович, а, м. Сын священника; человек, происходящий из духовного звания. Ширяев, Евграф Иванович, мелкий землевладелец из поповичей (его покойный родитель о. Иоанн получил в дар 102 десятины земли). Чех.

Тяжел., люди. – Срезневский: поповичъ; Поликарпов, Лекс. 1704: поповичъ» [10, стб. 1295-1296]; «Поповна, ы, род. мн. -вен, ж. Разг. Дочь священника. – Я же, хоть и дочь священника, или, как там попросту нас зовут, поповна, ну, а ни одной скучной святоши не пускала бы к себе и на порог. Данил. Девят. вал, 11. – Поликарпов, Лекс. 1704: поповна» [10, стб. 1295-1296]; «Попёнок, -нка, м. Разг. Малолетний сын попа. Попадья Балдой, не нахвалится,/ Поповна о Балде лишь и печалится, Попенок зовет его тятей. Пушк. Ск. о попе..– Доп. к Опыту обл. слов. Акад. 1858: попенок» [10, стб. 1278].

Так, цитируя словоупотребление в литературе XIX века, БАС приводит пометы: разговорная и просторечная лексика, а также помету уничижительное: «Попишка, и, род. мн. -шек, м. Простореч. уничиж. к поп. [Отец Афанасий] ростом маленький, шапка надвинута на уши. Похож на гриб с большой головой. Отроков с крылечка посмеивается. – Попишка! Невер. Поросенок, 7» [10, стб. 1289]; «Попик, а, м. Разг. Уменьш.-уничиж. к поп. – Когда я приехал сюда, этот батька был уже зрелых лет попик: теперь ему под восемьдесят. Гонч. Воспоминания, II, 4. – Ушак. Толк. слов. 1939: попик» [10, стб. 1285]. Эти слова активно бытуют в фольклоре, а затем, вместе со словом попище переходят в «атеистический» XX в., ср.: Очередногооратора сменилвысокий, рыжеволосыйсвященник. — Смотрикоты, попище, — удивился Северихин. Священник поднялся на бочку, оправил холщовую рясу. [А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966-1973)]. Так суффиксы субъективной оценки -ик, -ищ-, -ишк- вносят своеобразные оттенки в семантику слова поп.

«После 1917 г. в связи с активной антирелигиозной кампанией (см., например, тексты агитационных плакатов: «Долой попа и знахаря!») появляется окказионализм попоед, сходный по образованию с современным исламоедом. Так в 1924 г. в журнале «Веселый Ткач» печатается Поэт-попоед (псевдоним Д.Н. Семеновского)» [43, с. 375]. Данная номинация образована путем соединения корня поп с аффиксоидом -ед, что также образует негативно-оценочную семантику: «...ЕД, а, м. (<едать) – в словах,

отрицательно оценивающих кого-л. В далекие годы он был брошен вместе с другими комсомольцами... на раскулачивание таежных мироедов. Е.Евтушенко, Ягодные места» [34, с. 90-91]. А.В. Петров в своем словаре приводит 78 слов-композитов на -ед, но идиологемы типа *попоед* в словаре отсутствуют [53, с. 83-84].

В XX в. слово *поп* приобретает негативный пренебрежительный оттенок, что фиксируется словарями. Так словарь под. ред. Д.Н. Ушакова (изд. 1939 г.) содержит следующие пометы:

«Поп, попа, «муж.» (от «греч.» *pappas*). 1. Священник («разг.» встарину – официальное название). «Произнося обет перед налоем, ты солгала попу» А.Островский. «Каков поп, таков и приход.» погов. «Что ни поп, то батька.» погов. || Вообще – служитель культа всякого ранга («разг.» «пренебр.»). || только мн., собир. Духовенство («разг.» «пренебр.»). 2. В игре в городки: сбитая рюха, которую вновь ставят стоймя, если она упадет на линии. Сбить попа легко. На попа (ставить, поставь; «прост.» и спец.) – стоймя. Поставить кирпич на попа» [58, с.490].

попадья, попович и поповна даны в словаре с пометой разговорное; «Поповец, поповца, «муж.» Старообрядец, примыкающий к поповщине (см. «поповщина» во 2 знач.)» [58, с.491].

Поповка в первом значении претерпевает изменения: «1.Поповка, поповки, «жен.» («устар.»). Место у церкви, где живет церковный причт, преим. если оно не в черте села. «Люди, жите-бытье которых составит предмет этого рассказа, суть жители Старгородской соборной поповки» Лесков» [58, с.491], а во втором знач. остается без изменений.

Изменения происходят и в значении слова поповщина «Поповщина, мн. нет, «жен.» 1. Религиозные верования и предрассудки, поддерживаемые влиянием церкви («пренебр.»). «Философия, которая учит, что сама физическая природа есть производное, – есть чистейшая философия поповщины» Ленин. 2. Одно из направлений старообрядчества, признающее, в противоп. беспоповщине, священников и церковные обряды (рел.)» [58,

с.491]. Отметим, что поповщина – направление в старообрядчестве, активно развивавшееся в XVIII – начале XX в., имевшее свои центры и монастыри в Европейской России.

Как видим, «слова, относящиеся к попу (священнику), содержат помету разговорное, само слово поп – дополнительную помету – пренебрежительное. Даже семантика терминологического слова поповщина подвергается изменению и тоже приобретает негативную окраску. Исключения по-прежнему составляют терминологические наименования – поповка как броненосец, поповец и поповщина как обозначение реалий старообрядчества. Выявляются и устаревшие слова и значения: поповка как поселение.

Таким образом, после революции 1917 г. и на протяжении всего XX в. слово поп начинает активно употребляться в контексте, придающем ему крайне негативную оценку, напр.: Люди хотели скорее затемнить, чем раскрыть родословную: вдруг выскочит какой-нибудь враг народа: поп, офицер, кулак, коммерсант» [74, с.209].

В то же время слово поп начинает активно осваивать жаргон, в т.ч. и асоциальных элементов, и появляется ироническое поп в значении «Политработник, профессиональный коммунист» [26, с. 353], «Политработник у них «поп», оперуполномоченный – «кум», «опер»... [15, с. 127].

«В 90-е гг. XX столетия, после распада СССР, вновь происходит воцерковление наших сограждан, с новыми реалиями в язык входит «новый» словарный состав, в основном, наследие XIX – нач. XX вв. Однако, несмотря на лояльность и любовь к церкви, на насыщенную религиозную жизнь, «реабилитации» слова поп, как могло бы ожидать, не происходит. Церковь, как и век назад, не признает этого слова, и в официальных словарях, энциклопедиях и справочниках мы его не найдем.

Но слово не вытесняется на периферию и продолжает входить в активный словарный запас. Более того, оно обрастает «народной

этимологией» – доморощенными толкованиями, которыми пестрят страницы форумов и чатов в Интернете.

Поисковые системы выдают многомиллионные страницы (70-100 млн.) с ответами на следующие поисковые запросы: «Почему священника раньше называли попом?»; «А почему именно поп?»; «Допустимо ли обращение «поп» к священнику?», «ПОП и священник – это одно и то же ???»; «Поп, батюшка, священник – чем они отличаются друг от друга» и др., что демонстрирует активный интерес к этому наименованию среди пользователей сети Интернет разных возрастных, профессиональных и проч. групп» [74, с.210].

Анализ диалогов и реплик на сайтах и форумах, таких как <https://otvet.mail.ru>; <http://kotuch.ru/>; www.bolshoyvopros.ru; forums.drom.ru; forum-slovo.ru и др., позволил выявить особенности понимания и употребления слова поп многочисленной и разнообразной аудиторией – и по образованию, и по возрасту, и по отношению к религии.

Так на сайтах <http://kotuch.ru>, <https://otvet.mail.ru>, www.bolshoyvopros.ru представлены ответы разных людей на вопросы: «Священник и поп: в чём разница и почему? Поп, батюшка, священник – чем они отличаются друг от друга?»

В качестве этимологии пользователями сети Интернет приводится следующее: «Общеславянское слово "поп" пришло из греческого языка (papas, что значит "поп") и из древневерхнемецкого (pfaffo, что значит "священник")», т.е. данные этимологических словарей. Несколько человек указали на то, что ПОП – это аббревиатура, причем с разной расшифровкой: Пастырь Овец Православных, Прах Отцов Предавший/ продавший отечество предков, Принимающий Одураченных Прихожан. Отметим, что данные «расшифровки» являются ошибочными представлениями, распространяемыми в определенных кругах. Так, Пастырь Овец Православных появилось из кругов православных священников, на это ссылается и сам ответивший «Это я знаю точно, слышал от знакомого

священника», а Прах Отцов Предавший – из кругов неоязычества, либо людей, выражающих недовольство активным воцерковлением населения, где бытуют представления о «массовом, а иногда и насильственном введении Христианства», «Данную аббревиатуру употребляли люди старой (в контексте – более ранней, чем христианство – прим. Д.В.Третьякова) веры».

На вопрос о собственно различии слов священник и поп были даны, например, такие ответы: «Эти слова синонимы звучат по-разному, а обозначают одно и то же»; «Поп это подвид священника»; «В слове «священник» ясно слышится присутствие Духа Святого. Разница между ними та же, что между религией и верой: поп служитель религиозных «овец», которым нужен пастух, поводырь, а за священником идут верующие люди по велению своего сердца. Поп – это посредник, исполняющий обязанности по внедрению религиозных догм и канонов, осуществляющий контроль над выполнением правил и заповедей – это служитель церкви, менеджер. Тогда как священник – слуга божий, не озабоченный соблюдением буквы закона, а вдохновенный соответствием сути учения. Внешне отличить очень просто: поп обычно носит крест, лежащий на его огромном животе в горизонтальном положении, а у священника одухотворенное лицо, простая одежда, и всем существом своим он устремлен к чистоте и святости».

Ответившие отмечают замену в официальной речи слова поп на иерей, священник, мотивируя это тем, что «это было сделано чисто из этических соображений: после революции 1917 года слово "поп" прочно вошло в народный обиход как ругательное».

Информанты отмечают и стилистические особенности слова поп, например: «"Поп" – негативное, "священник" – нейтральное, "батюшка" – подобострастно-льстивое обозначение священнослужителя. Поправляют именно эти, льстивые... » или «Поп слишком вульгарно».

На форуме forums.drom.ru представлен вопрос, предполагающий ответы объяснительно-этимологического характера: А почему именно «поп»?

Реплики форумчан на этот стимул малосодержательны. Здесь представлена языковая игра (Попандос, Попидол, Попокатепетль, падрэ?) или малоинформативные эмоциональные отклики. Однако здесь мы находим новые объяснения и этимологию: 1) «слово произошло от popular...»; 2) «у нас да, поп, а у пендосовпадрэ»; 3) «поп, скорее от англ. поуп», а также еще одну расшифровку аббревиатуры ПОП – протоиерей общественного прихода, источник и контекст которых не указан.

На сайте forum-slovo.ru обсуждается тема: Обращение «поп» к священнику: оно допустимо на православном форуме или нет?

«Вопрос задает тему функционирования слова поп как обращения. Отметим, что на форуме дают ответы как православные священники и верующие, так и неверующие люди. На прямой вопрос допустимости представлены, например, такие ответы: «Само слово запретным не является. Все нужно смотреть в контексте. Но в подавляющем большинстве случаев употребление этого слова носит именно оскорбительный оттенок. Вот про эти случаи и говорим» [74, с.210].

Стилистические особенности слова отмечены форумчанами, например, так: «От людей мирских это обращение всегда звучит невежественно-презрительно» [74, с.210].

Отдельно обсуждается вопрос функционирования слова «поп» как обращения и как наименования священника в третьем лице: «"поп" - это не обращение, а наименование, такое же, как "священник". Мы же не говорим, например: "Священник Николай, благословите!", так же и "поп" в этом случае не скажешь» [74, с.210].

Обсуждение затрагивает также и прецедентное имя – кинофильм «Поп» (2010 г., реж. В. Хотиненко) по роману А. Сегеня: «Ну а что же фильм "Поп" тоже снят с невежественно-презрительным отношением к главному

герою? А вот поверьте – именно так. Это ведь, что-то вроде оговорки по Фрейду в устах режиссера Хотиненко. Я слышал некоторые его выступления в телепередачах Киры Прошутинской – он выступал как сторонник РУССКОГО разговорного языка в богослужении в РПЦ. Но фильм назван так не напрямую с отрицательным смыслом – слово ПОП было как бы действительно отрицательным по идеологическому штампу ВСЕГО 20 века, начиная с дореволюционных времен. Да вспомните Пушкина: "Поп – толоконный лоб". Не Пушкин же придумал – так и в народе говорили. А Хотиненко, точнее Александр Сегень – показал, что не ПОП, а ЧЕЛОВЕК, что не служитель ПРИ Церкви, а носитель Высокого Духа Веры – ПАСТЫРЬ в Храме Божиим... Потому так и названо – кавычки подразумеваются содержанием фильма».

Итак, изученные материалы указывают на то, что в индивидуальном языковом сознании встречаются «мифы» о семантике и происхождении словарной единицы «поп»: 1) это аббревиатура (предположительное происхождение мифа из церковной среды), которая расшифровывается по-разному; 2) данное слово является усеченной формой англ. *popular* по типу: поп-арт, поп-музыка, поп-корн и т.д.

Священники отмечают крайне негативный и пренебрежительный, невежественно-презрительный характер данного наименования, однако «миряне» – люди разной степени воцерковленности, либо неверующие – далеко не всегда видят разницу между словами поп и священник, а также отрицательную коннотацию первой номинации. Ими выделяются официальный – неофициальный статусы данных наименований. Отметим индивидуальный «миф» о том, что говорить поп – немодно. Интерес также представляет реплика об интимном, дружеском характере наименования поп. Часть форумчан отмечает, что позитивная/негативная семантика этого слова может быть выявлена из контекста.

Анализ откликов на вопрос о функционировании наименования поп как обращения показал, что часть отвечающих обсуждают наименование и его

семантику в целом, и только отдельные авторы реплик обращают внимание на то, что данное слово не может быть обращением, поскольку предназначено для называния священнослужителя в 3-м лице, напр.: «Даже не могу представить обращение. Господин поп? Товарищ поп?». Также отмечены реплики, разъясняющие исторические изменения, связанные с заменой слова поп на иерей в официальной церковной среде.

В обсуждении на форуме представлен интерес к новому прецедентному имени 2010-х гг. – кинофильму «Поп» (реж. В. Хотиненко), снятому по одноименной книге А. Сегеня, а также мнения по поводу семантики этого названия. Анализ показывает неоднозначное его понимание разными респондентами.

В целом проведенное исследование убедительно показало спорность и неоднозначность в трактовке семантики, стилистической окраски и функционирования номинации поп в русском языке современного периода.

«Отношение к слову поп становится и показателем идеологических пристрастий, поводом ёрничества и политических дискуссий. Так в блогах в качестве реакции на резонансные дела, связанные с РПЦ, появляется стремление завуалировать речь, и, как следствие этого, – новое название этой речи «поп-музыка» (названа по аналогии с «блатной музыкой» – феней): «Слово ПОП теперь тоже нецензурное (известная сказка – в отказе). Остерегитесь от чрезмерного употребления! Нам Вас будет жалко... Когда очень захочется, говорите и пишите "поп-музыка". Мы поймём, а к Вам не придерёмся» [коллективный. Блог Варфоломеева на сайте радиостанции «Эхо Москвы»]» [74, с.211].

Итак, проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Слово поп впервые упоминается в русском языке с 1047 г. (азьпопьюопирьлихьи), как имя собственное оно известно с 1400 г. (Попко, Офонасей Поп и др.)

2. Из нейтрального и официально-терминологического оно становится разговорным (конец XVIII в.) и уничижит.-пренебрежит. (XIX-XXI вв.).

3. Стилистические изменения затрагивают практически всю группу производных, поскольку они содержат в семантике связь со «сниженным» словом – все эти слова имеют помету разговорное. Изменению не подвержены только термины типа *поповец*.

4. В современном русском языке появляются новые слова со значением, не связанным со священником – омонимичные слова (активно – рубеж XX-XXI вв.), а также народные толкования значения слова (*ПОП* – аббревиатура и проч.)

5. При контекстном анализе функционирования слова *поп* сказывается влияние на употребление и понимание массива прецедентных имен (фамилий конкретных людей, названий книг и кинофильмов и под.). В прецедентных именах отмечается процесс автономии – переход имен собственных в нарицательные (по типу: *поп Гапон* – *гапоны современности*).

6. Для адекватного толкования семантического статуса словарной единицы *поп* (особенно в лингвоэкспертной практике) необходимо учитывать процесс контекстного усиления или ослабления негативной семантики. Семантика слова на современном этапе неоднозначна.

2.2 Окказиональная номинация с оценочным компонентом (ислам-производные наименования лиц)

«В рамках юрислингвистических исследований актуален анализ негативно-оценочного высказывания в структуре конструктивной/деструктивной критики упоминаемой в тексте персоны. Частный случай данной проблемы – разграничение оценочных именованных двух типов: ‘номинаций персоны как специалиста’ и ‘номинаций, содержащих указания на личные черты специалиста’.

Материалом исследования послужила полемика по вопросам ислама в Интернет-публикациях 2011 г.. Резонансный случай – один из крупнейших за последнее время – связан с обсуждением статей Р.А. Силантьева, вызвавших всплеск общественной полемики. В рамках полемики нас заинтересовали номинации данного специалиста с общей корневой морфемой -ислам- » [73, с. 216].

«При анализе Интернет-публикаций были выявлены негативно-оценочные номинации Р. Силантьева с общей корневой морфемой -ислам-, которые мы условно распределили следующим образом:

Группа 1. *лже-эксперт по исламу, наш «самый известный специалист по исламу», «наш самый что ни на есть специалист по исламу»;*

Группа 2. *«исламовед», называющий себя исламоведом, «известный исламовед» в России, нескромные притязания на звание исламооведа, круглый невежда в исламоведении, псевдоисламовед;*

Группа 3. *исламофоб, исламо-фоб-невед;*

Группа 4. *исламоед, исламоЕд, «исламоед», главный «исламоед» России, беспринципный исламоед» [73, с.216].*

Лингвистические словари дают следующее толкование слова *ислам*:

«Ислам. Одна из наиболее распространенных мировых религий, возникшая в Аравии VII в., получившая распространение на Ближнем и Среднем Востоке, в некоторых странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки и имеющая своими основными догматами поклонение единому богу – Аллаху и признание Мухаммеда Его посланником; мусульманство» [29, с. 610]. «ИСЛАМ, -а; м. [араб. Islām покорность]. Одна из наиболее распространённых религий мира, последователями которой являются мусульмане; мусульманство» [14, с. 400].

«Словоформа *ислам* не несет в себе негативной, оценочной окраски, а представляет собой устоявшееся в языке и науке стилистически нейтральное понятие.

Группа 1. Представляет собой описательные многокомпонентные номинации по типу: кто? по исламу/ по вопросам ислама, напр.: (1) *лже-эксперт по исламу*, (2) «*наш самый что ни на есть специалист по исламу*», (3) «*наш самый известный специалист по исламу*».

Наименее негативная из номинаций данной группы – (3) «*наш самый известный специалист по исламу*». Сама по себе эта номинация нейтральна и безоценочна, оценку в виде авторской иронии она приобретает благодаря употреблению в кавычках. Следует иметь в виду, что в настоящее время функция кавычек значительно расширилась. Наряду с уже описанными случаями, когда «кавычками выделяются иноstileвые слова, подчеркивается ироническое значение слова, дается указание на двойной смысл слова или смысл, известный лишь тому, кому адресованы слова» [29], исследователи отмечают, что появляются дополнительные оттенки смысла при употреблении кавычек. Анализируя современный материал, Анна А. Зализняк отмечает и такие значения, как «Оценочная отсылка. Ирония, т.е. употребление слова в противоположном смысле», а также «близкий случай – «полемиические» кавычки, указывающие на то, что заключенное в них утверждение является, по мнению говорящего, ложным. Употребляя некоторое слово и при этом заключая его в кавычки, человек одновременно выражает свое несогласие с утверждением, заключенным в цитируемом выражении, имплицитно, что на самом деле это не так» [17]. Именно такой смысловой оттенок приобретают номинации в анализируемых текстах: (2) «*наш самый что ни на есть специалист по исламу*». Неразложимый компонент *самый что ни на есть* (прост. экспрес. О высшей степени проявления качества, свойства) привносит дополнительную коннотацию, благодаря которой ирония переходит в насмешку, приобретая противоположное значение – *наихудший*» [73, с.217].

Номинация (1) *лже-эксперт по исламу* является двухкомпонентной. Лексема *лже-эксперт* не представлена в словарях, однако указано следующее толкование: «Лже... Начальная часть сложных слов, вносящая

значения: ложный, мнимый или намеренно выдаваемый за истинное (лженаука, лжепророк, лжеученый и т.п.)» [28, с. 786]. «Эксперт. Специалист в какой-либо области знания, привлекаемый для того, чтобы высказать свое мнение, дать заключение по какому-либо делу, вопросу» [29, с. 1048]. Совокупное значение номинации – «мнимый специалист» – является негативно-оценочным.

«Таким образом, в данной группе наблюдается градация (в порядке возрастания) по степени негативности номинации: (3), (2), (1). Все номинации данной группы имеют отношение к специалисту, а не к его личным качествам, и могут быть использованы в конструктивной критике при условии, если автор докажет фактами правомерность таких номинаций.

Группа 2. Представляет собой одно- и многокомпонентные номинации со словоформой *исламовед*: (4) «*исламовед*», (5) *называющий себя исламоведом*, (6) «*известный исламовед*» в России, (7) *нескромные притязания на звание исламооведа*, (8) *круглый невежда в исламоведении*, (9) *псевдоисламовед*» [73, с.218].

Номинация *исламовед* в словарях также отмечается как нейтральная: «Исламовед. Специалист по исламу» [14, с. 400] или «...вед. Конечная часть сложных существительных, вносящая значение: специалист в той области знания, которая названа в первой части слова (востоковед, краевед, почвовед и т.п.)» [14, с. 115].

«Однако использование нейтрального слова в кавычках несет эмоционально-оценочную ироническую коннотацию и прямо противоположное значение (о кавычках см. выше). Следовательно, написание (4) «*исламовед*» может выражать как ироническое оценочное отношение к человеку как специалисту по исламу без явного негативного оттенка коннотации, так и признание его профессиональной непригодности как специалиста. Примерно такой же оттенок смысла вкладывается в сочетание (6) «*известный исламовед*» в России – здесь характеристика известный приобретает переносный или прямо противоположный смысл –

неизвестный или скандально известный, что в первом случае является практически нейтральным, а во втором – несет негативную оценку специалиста. Учитывая, что в публикации речь идёт о конкретной персоне – Р. Силантьеве – здесь уместно говорить о втором значении номинации (6) «известный исламовед» в России, а именно «скандально известный в России» [73, с. 219].

Номинация (9) *псевдоисламовед* образована от слова *исламовед* с добавлением приставки *псевдо-*. Словари дают следующее толкование данной приставке: «Псевдо... [от греч. *pseudos* - ложь, вымысел]. Первая часть сложных слов. Вносит зн. сл.: ложный, мнимый» [14]. «Псевдо... – часть сложных слов, вносящая значение: мнимый, ложный, не истинный, не настоящий. Псевдонаука. То же, что: лженаука. Псевдоученый Тот, кто не обладает подлинной ученостью [30, с. 396-397].

«В слове (9) *псевдоисламовед* актуализируется значение «мнимый, ложный, поддельный специалист по исламу». Это явно оценочное значение с негативным оттенком, поскольку «подделка» и «ложь» в данном контексте ассоциируются со значением «самозванец в науке», которое актуализируется в ряде статей о Р.А. Силантьеве. Близкий смысл содержится в номинации (1) *лже-эксперт по исламу*» [73, с. 219].

Что касается описательной конструкции (5) *называющий себя исламоведом*, см.: «Называться. Присваивать себе какое-либо наименование» [29, с. 932], то здесь наблюдается указание на личные качества человека – он не просто «плохой, поддельный ученый в данной области», а «он сам себя называет специалистом в области исламоведения».

Ключевое слово многокомпонентной номинации (8) *круглый невежда в исламоведении* – «Невежда – необразованный, малосведущий человек [14, с. 613], т.е. человек некомпетентный в данной области», что подчеркивается сочетанием *круглый невежда*. – «Круглый перен. разг. Полный, совершенный, абсолютный (обычно применительно к глупости, невежеству)»

[30, с. 744]. Данное именование также имеет отношение не к специалисту, а к личности и является негативно-оценочным.

Близка к этому номинация (7) *нескромные притязания на звание исламоведа* – здесь лексема *нескромные* прямо указывает на личные черты и в сочетании с лексемой *притязание* «Претензия, стремление добиться признания каких-либо своих достоинств» [30, с. 328] прямо указывает на личные качества специалиста.

Так в данной группе наблюдается градация (в порядке возрастания) по степени негативности номинаций: (4), (6), (9).

Номинации (5), (7) и (8) относятся к личности, а не к специалисту, являются негативно-оценочными и не способствуют конструктивной критике.

Группа 3. Представляет собой однокомпонентные номинации: (10) *исламофоб*, (11) *исламо-фоб-невед*.

Номинация (10) *исламофоб* – это устоявшийся ярлык и идеологическое клише, суть которого выражена так: «Под *исламофобией* мы понимаем действия и высказывания, оцениваемые мусульманами как враждебные исламу. Это понятие охватывает крайне широкий спектр значений – от погромов до любой критики в адрес как мусульман и исламских активистов, так и исламского вероучения и социальной практики. Сам термин «*исламофобия*» вошел в широкое употребление после публикации в 1997 году британским исследовательским центром RunnymedeTrust доклада «*Исламофобия – вызов для всех*». Заместитель ректора Сассекского университета профессор Гордон Конуэй (GordonConway), возглавлявший этот проект, определил новое явление как «боязнь и ненависть к исламу и мусульманам, присущие СМИ всех уровней и распространенные во всех слоях общества». *Исламофобия*, согласно Конуэю, проявляется в «изображении ислама как цивилизации не отличной от Запада, а отсталой; мусульманской культуры – не как многоликой и прогрессивной, а застывшей и статичной, враждебной к инакомыслию и дискуссиям, патриархальной и

женоненавистнической, фундаменталистской и потенциально угрожающей другим культурам». В сжатом виде политическая исламофобия может быть сведена к формуле: «ислам – не партнер, а враг» [35].

«Из приведенной цитаты видно, что данная номинация является оценочной и крайне негативной. Следует отметить также, что она не имеет отношения к профессии человека, а является указанием на личные качества.

(11) *исламо-фоб-невед* – это окказионализм, образованный при помощи дефисного написания трех частей. Как видно из предыдущего примера, слово *исламофоб* пишется слитно. Соответственно в данном случае мы имеем дело с особым авторским приёмом выразительности – использованием дефиса для выделения значимых частей слова. Об употреблении дефиса в таком значении сообщается следующее: «В любых текстах (чаще в художественных и публицистических) дефис может использоваться в выразительных целях для выделения (смыслового и произносительного) какой-либо части слова, напр.: Сто – невест тебе! Все – с запястьями! Без-ответственно. Беспрепятственно (Цвет.)» [73, с. 220].

«Первые две корневые морфемы *-исламо-* и *-фоб-* мы уже рассмотрели. Остановимся подробнее на последней *-невед*. Словари дают следующее толкование: «Неведение книж. Незнание, неосведомленность» [14, с. 613] и Невежда (см. пример (8)). Таким образом, форма *-невед* по значению близка со словом «неуч» и с фразеологизмом «ведать не ведает», т.е. «абсолютно ничего не знает» [38].

Именно последняя часть данного слова (11) *исламо-фоб-невед* привносит иронический оттенок и смягчает явный негативно-оценочный смысл, образованный первыми двумя компонентами идеологического клише. Анализ данного окказионализма позволяет сделать вывод о том, что данная номинация также относится к личным характеристикам человека и не несет указания на его профессиональную деятельность.

Таким образом, в данной группе нет номинаций, указывающих на специалиста, номинации (10) и (11) относятся к личным характеристикам,

причем (10) – крайне негативный идеологический ярлык, а (11) – несколько смягченный его вариант. Использование подобных слов не способствует конструктивному диалогу.

Группа 4. Представляет собой одно- и многокомпонентные высказывания с общей окказиональной лексемой *исламоед*: (12) *исламоед*, (13) «*исламоед*», (14) *исламоЕд*, (15) *главный «исламоед» России*, (16) *беспринципный исламоед*.

Словоформа (12) *исламоед* представляет собой окказионализм, образованный сложением корней *-ислам-* и *-ед-* с соединительной гласной *о*. Однако слово это является не нормативным (по типу: *сердцеед*, *самоед*), а образованным в результате языковой игры: из исходного производного слова *исламовед* как бы выпадает буква *в*. Авторство этого окказионализма принадлежит, предположительно, востоковеду, акад. Ю.Г. Петрашу [52]. Он же вводит полученную словоформу в текст в виде двух вариантов: в заголовке (13) «*исламоед*» (как непривычное ироническое слово), а в тексте – уже без кавычек – (12) *исламоед*. Это слово позднее стало активно применяться в отношении Р. Силантьева и др. В Интернет-публикациях появилась также форма *исламоЕд*, где игровой момент подчеркивается с помощью графики» [73, с. 221].

Обратимся к значению данного слова. Корень *-ед* относит нас к глаголу *есть*, переносное значение которого таково: «Есть. перен. разг.-сниж. Попрекать, бранить, изводить упреками» [30, с. 447]. Переносное значение слова *есть* также соотносится и с фразеологизмом *есть поедом*, т.е. «надоедать, изводить бесконечными попреками, замечаниями, бранью» [53].

«В значении слова *исламоед* присутствует негативная, разговорно-сниженная оценка, буквально означающая следующее: вместо того, чтобы ведать (знать, разбираться) человек ест поедом (попрекает, изводит, бранит) ислам. Несмотря на то, что данная лексема не несёт прямого указания на специальность, однако, на наш взгляд, она содержит такое указание в оппозиции: *исламовед* – *исламоед*.

Номинация (15) *главный «исламод» России* образована по принципу (6) *«известный исламовед» в России*.

Сочетание лексемы (16) *исламод* + *беспринципный* усиливает негативную характеристику личности, поскольку лексема *беспринципный* означает «не придерживающийся никаких принципов, не имеющий определенных убеждений, пренебрегающий моральными нормами» [30, с. 93] и характеризует личность человека, а не его профессиональные качества.

Таким образом, номинации этой группы являются негативно-оценочными, характеризующими личность человека, профессионально занимающегося вопросами ислама» [73, с. 222].

«Все представленные номинации являются оценочными с разной степенью негативности. К типу ‘номинации персоны как специалиста’ мы отнесли следующие словоформы: *лже-эксперт по исламу, наш «самый известный специалист по исламу», «наш самый что ни на есть специалист по исламу», «исламовед», «известный исламовед» в России, псевдоисламовед*. Данные слова, несмотря на свою ироничность и оценочность, могут употребляться в снабженной фактами конструктивной критики специалиста с подтверждением авторских оценок.

К типу ‘номинации, содержащие указания на личные черты специалиста’ мы отнесли: *называющий себя исламоведом, нескромные притязания на звание исламооведа, круглый невежда в исламоведении, исламофоб, исламо-фоб-невед, исламод, исламоЕд, «исламод», главный «исламод» России, беспринципный исламод*. Номинации этой группы содержат оценку личности, зачастую крайне негативного значения. Такие слова нежелательны и недопустимы в публичном дискурсе. Они не способствуют конструктивному диалогу» [73, с. 224].

Проведенный анализ позволяет констатировать большой словотворческий потенциал ислам-производных наименований лица по профессии. Большинство из них не являются оценочными, либо содержат оценочный компонент значения. Особым конфликтным потенциалом

обладают наименования, направленные на характеристику личностных качеств номинируемой персоны, окказиональные образования по типу *исламоед*, идеологемы типа *исламофоб*.

2.3 Экспертные задачи и их решения в квалификации оценочных наименований

В рамках исследования негативной оценочности в общественно-политических текстах нами проведен анализ 6 листовок на предмет содержания негативной оценки лиц, связанных с религиозной деятельностью: 1. «Россию ждет демографический взрыв?»; 2. «Что на самом деле такое Пасха?»; 3. «Компания попов...»; 4. «Наука и религия несовместимы»; 5. «Как известно этим летом...»; 6. «Студенческий ликбез».

Анализ показал следующее.

В тексте представленной на исследование листовки «Студенческий вестник» 1. «Россию ждет демографический взрыв?» имеются отрицательные оценки в адрес представителей православной религии. Отрицательные оценки выражаются следующими языковыми средствами (лексическими, синтаксическими средствами и стилистическими приемами): «... как обманывают попы», «попы вас в очередной раз обманули». Данные отрицательные оценки можно рассматривать как негативные установки в адрес представителей православной религии, поскольку они содержат исторически сложившееся оскорбительное именование православного священнослужителя («*поп*»), а также указание на совершение представителями православной религии аморальных поступков.

В тексте представленной на исследование листовки «Студенческий вестник» 2. «Что на самом деле такое Пасха?» имеются отрицательные оценки в адрес евреев и представителей христианской религии. Отрицательные оценки выражаются следующими языковыми средствами (лексическими, синтаксическими и стилистическими средствами): «Так

христиане или иудеи бьются яйцами и целуют руки попам?» (риторический вопрос), «...евреи ещё умудрились обокрасть египтян. Еврейки попросили «поносить» у своих египетских подружек золотые украшения, евреи заняли у египтян в долг, изначально не собираясь отдавать. А христиане решили видать поддержать старших братьев». Данные отрицательные оценки можно рассматривать как негативные установки в адрес евреев (иудеев) и представителей православной религии (христиан), поскольку они содержат некорректную отсылку к текстам священных для указанных групп книг.

В тексте представленной на исследование листовки «Студенческий вестник» 3. «Компания попов...» имеются отрицательные оценки в адрес представителей православной религии. Отрицательные оценки выражаются следующими языковыми средствами (лексическими, синтаксическими средствами и стилистическими приемами): «компания попов (мужики с бородой в черном платье)», «цинизм попов», «Мораль попов и мораль общества – это разные понятия» и др. Данные отрицательные оценки можно рассматривать как негативные установки в адрес представителей православной религии. Кроме того, в тексте листовки представлены отрицательные оценки и инвективные (оскорбительные) выражения в адрес почитаемых православной церковью святых («убийца», «если можно назвать его человеком», «замечательный человек», «Он для них святой!» – риторическое восклицание, «И этого человека попы считается замечательным человеком, святым?» – риторический вопрос). В данной листовке также содержится идея о несовместимости интересов группы, к которой принадлежат авторы листовки («Церковная мораль нам не нужна!»), идеям христианской религиозной группы. Прямых (явно выраженных) побуждений к действиям против обозначенных в вопросе групп в тексте листовки нет, однако выражение «Церковная мораль нам не нужна!» можно рассматривать как выражение протеста против строительства церкви около главного здания ТГУ (косвенный побудительный акт).

В тексте представленной на исследование листовки «Студенческий вестник» 4. «Наука и религия несовместимы» имеются отрицательные оценки в адрес церковников и церкви. Отрицательные оценки выражаются следующими языковыми средствами (лексическими и синтаксическими средствами): «... свою научную карьеру церковь начала с убийства первой женщины геометра, математика, астронома Гипатии, затем уже убийства ученых стали бытовой, повседневной, стандартной нормой», «...для того, чтобы противостоять чудовищной по своей агрессивности, очень свирепой, очень тоталитарной машине церкви нужно было огромное мужество». Данные отрицательные оценки можно рассматривать как негативные установки в адрес христианской церкви вообще в широком смысле этого слова (в тексте: «церковники... всех мастей и сект и калибров»), поскольку они содержат субъективно подобранные высказывания об истории и событиях, а также негативно-оценочные обобщения о совершении церковью преступлений против ученых и науки.

В тексте представленной на исследование листовки «Студенческий вестник» 5. «Как известно этим летом...» имеются отрицательные оценки в адрес представителей православной религии. Отрицательные оценки выражаются следующими языковыми средствами (лексическими и синтаксическими средствами): «В монастыре живут молодые здоровые люди нигде не работающие, т.е. не приносящие никакой пользы обществу», «Как попы любят на дармовщинку». Данные отрицательные оценки можно рассматривать как негативные установки в адрес представителей православной религии, поскольку они содержат исторически сложившееся оскорбительное именование православного священнослужителя («поп»), а также негативные субъективные высказывания о действиях представителей православной религии.

В тексте представленной на исследование листовки 6. «Студенческий ликбез» имеются отрицательные оценки в адрес представителей православной религии. Отрицательные оценки выражаются следующими

языковыми средствами (лексическими и синтаксическими средствами): «Попы прославляют людей причастных к различным злодеяниям», «Попы искажают историю Великой Отечественной войны». Данные отрицательные оценки можно рассматривать как негативные установки в адрес представителей православной религии, поскольку они содержат тенденциозно подобранные сведения об истории, а также указание на совершение ими аморальных поступков и нарушений закона.

Таким образом, материалы проведенного анализа текстов позволяют сделать следующие выводы.

В текстах негативные оценки выражены как эксплицитно (на лексическо-стилистическом уровне), так и имплицитно (на текстовом уровне).

На лексическо-стилистическом уровне негативная оценка выражена при помощи номинаций поп в сочетании с предикатами обманули, любят на дармовщинку и вторичными номинациями церковные чиновники, а также инвективными (оскорбительными) номинациями почитаемых святых: убийца. Следует отметить развернутые метафоры: чудовищной по своей агрессивности, очень свирепой, очень тоталитарной машине церкви – и такие стилистические приемы, как риторический вопрос и риторическое восклицание: И этого человека попы считается замечательным человеком, святым? И его нужно прославлять!

На текстовом уровне оценка выражена при помощи следующих приемов: ложная идентификация (формирование отрицательного образа); речевое манипулирование (особая подача материала – утверждения-аксиомы); внедрение скрытых генерализаций (обобщений); языковая демагогия (навязывание адресату сообщения односторонней отрицательной оценки предмета обсуждения).

Речевое манипулирование и языковая демагогия достигаются при помощи следующей подачи материала:

- 1) некорректная отсылка к текстам священных для указанных групп лиц книг;
- 2) указание на совершение аморальных поступков и нарушений закона;
- 3) субъективно подобранные высказывания об истории и событиях;
- 4) негативно-оценочные обобщения о совершении церковью преступлений против народа, ученых и науки.

Следует особо подчеркнуть, что номинации *попы*, *церковники* указывают не на религиозную принадлежность лиц, а на социальную группу: «Группа православных церковнослужителей является социальной, т.к. связи внутри группы основаны не на вере (иначе все христиане были бы церковнослужителями), а на профессиональной принадлежности, сфере деятельности» [50, с. 27].

М.А. Осадчий приводит в своей статье такой пример: «В ходе оперативно-розыскных мероприятий были изъяты печатные материалы, среди которых было произведение, озаглавленное «SS стучится в вашу дверь, сволочи...». В данном тексте содержится фрагмент:

«Продажные попы и дьяки, осквернившие наши храмы, наше православие елейным славословием, причащающие паству... Ведь Сорокины громогласно декларируют свое воинствующее христианство? Нет! Встретил я и Сашу Иванова. Близкого к этим долгополым иродам-певцам.

- Это православная музыка? - радостно спросил я, ожидая наконец-то радостного же согласия со мной.

- Нет, - сладко-елейно расплылся ехидно-оккупантский подпевала, - православная музыка - это псалмы! (Эх, Саша, Саша... А ведь честный и талантливый человек - купился на индальгенции торговцев из Храма...».

В данном фрагменте ответ Саши в пользу «долгополых иродов» (данное слово по смыслу указывает на служителей Русской православной церкви) оценен отрицательно, назван «сладко-елейным», а сам Саша - «ехидно-оккупантским подпевалой». В данном тексте смысл слова «сладко» указывает на шестое значение слова «сладкий»: «умильный, притворно-

угодливый». Слово «елейно» означает «приторно-сладкий; чрезмерно угодливый, деланно благочестивый». Слово «подпевала» употреблено в значении «тот, кто поддерживает кого-либо из низких, корыстных побуждений». Данные слова обозначают понятия, оцениваемые языковыми носителями как отрицательные, и выражают негативное отношение к Саше.

Было бы ошибочно предполагать, что поводом для негативной оценки стала религиозная принадлежность персонажа. В тексте не содержится прямых негативных оценок православия или христианства в целом. Более того, автор называет православие «нашим», болеет за его «осквернение», пишет слово «Храм» с прописной буквы, что указывает на уважение к святыне. Негодует автор по поводу того, что персонаж близок к православным церковнослужителям, которые, в свою очередь, названы «продажными», «долгополыми иродами». Группа православных церковнослужителей является социальной, т.к. связи внутри этой группы основаны не на вере (иначе все христиане были бы церковнослужителями), а на профессиональной принадлежности, сфере деятельности.

Следовательно, рассмотренный случай следует квалифицировать как возбуждение ненависти либо вражды к отдельному представителю на основе не религиозной, а социальной принадлежности» [50, с. 25].

В завершение отметим, что анализируемые тексты листовок представляют собой уже не просто некорректную оценку группы лиц, но и материалы для анализа в связи со ст. 282 УК РФ.

Выводы по второй главе

В Главе 2 –Лингвокриминалистические подходы к квалификации оценочных наименований лиц по отношению к религии – раскрыта техника анализа конкретного языкового материала, как потенциально конфликтного, так и ставшего предметом рассмотрения в судебных заседаниях, в том числе

и в экспертной практике автора под началом и с использованием авторской методологии научного руководителя;

– представлен анализ номинаций, приобретающих в контексте яркий негативный оттенок, прежде всего номинации поп (результаты данного исследования подробно отражены в авторской публикации). Анализ современного словоупотребления убедительно показывает сдвиг семантики данной номинации с нейтральной в сторону пренебрежительной и негативно-оценочной. Примечательно, что и сами служители культа уходят от такого самоназвания, охотнее именуя себя иерей, а супругу – вместо попадьи – матушкой. Как самономинация данное слово сохраняет иронический оттенок;

– предложен материал анализа оценочного потенциала окказиональных словообразований, в частности, номинации ученого, занимающегося исследованием ислама. Все представленные номинации являются оценочными с разной степенью негативности. Некоторые из исследованных номинаций содержат оценку личности, зачастую крайне негативного значения. Такие слова нежелательны и недопустимы в публичном дискурсе. Они не способствуют конструктивному диалогу;

- представлены образцы экспертных задач, которые стояли как перед автором данного исследования, так и были выявлены в материалах экспертного сообщества.

Заключение

Оценка и оценочность являются предметом исследования не одно десятилетие, однако интерес к этой научной проблеме только усиливается. Показателем является развитие прикладного направления в лингвистике – лингвоэкспертология, призванное решать целый ряд практических задач, связанных с наличием оценки и оценочности в текстах, в т.ч. и общественно-политических. В настоящее время отмечается усиление негативности в текстах публичного характера, причем все чаще для передачи негативной оценочности используются особые приемы, уводящие такую семантику «во второй план», что, зачастую легко прочитывается носителем языка. Имеет место и речевая манипуляция, когда читателя «подводят» к необходимым выводам, причем создается иллюзия, что адресат сообщения пришел к этим выводам самостоятельно.

Такие тексты неизменно становятся предметом споров в суде. В исследованиях спорных текстов лингвистами-экспертами существенным становится не только выявление негативной информации, но и вектора её направленности, а также авторской интенциональности.

Особую группу составляют спорные тексты, в которых подобной негативной оценке подвергаются лица, связанные с религиозной деятельностью или имеющих к ней определенное отношение. При анализе таких спорных речевых произведений можно усмотреть несколько типов негативной оценки: оценка, направленная на лицо, с целью критики или оскорбления и оценка, направленная на группу лиц, с целью дискредитации («очернения») группы и всех, имеющих к ней отношение. В случае обращения к группе, связанной с религией, может иметь место не только и не столько оскорбление, но и целенаправленная дискредитация, что может иметь печальные последствия для авторов таких текстов (вплоть до уголовного наказания).

Оценка – многоплановый феномен, изучаемый целым рядом гуманитарных наук. Исследователи выделяют как положительную, так и отрицательную (негативную) оценку. Оценка тесно связана с понятием модальности, является своеобразной подсистемой в рамках категории языковой модальности и рассматривается в составе объективно-модальных и субъективно-модальных значений. Наблюдается тесная связь понятий оценки, экспрессивности и эмоциональности. Однако эти понятия далеко не тождественны. Собственно оценка может быть выражена практически на всех уровнях языка.

Теория номинации, обращаясь к наименованию лица, отмечает, что номинация предполагает не только результат, но и процесс именованя. Подобные именованя могут быть как нейтральными, так и оценочными с положительной и отрицательной коннотацией, причем оценочный компонент нейтральных наименований может быть выявлен только в контексте. Наименования с оценочной семантикой по происхождению преимущественно русскоязычные, нейтральные номинации, в большинстве своем, представлены заимствованной лексикой. Оценочные наименования лиц образуются различными способами на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

Оценка дефинируется в лингвистических работах как социально устоявшееся и закреплённое в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта (лица, лиц, коллектива) к объектам действительности, как компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта.

Та или иная (положительная или отрицательная) оценка субъекта речи по отношению к объекту высказывания может быть выражена различными языковыми средствами. Лексические и словообразовательные единицы языка эксплицитно выражают позитивную и негативную оценку в тексте. Фонетические и синтаксические языковые средства самостоятельно

оценивать объект не могут. Они обнаруживают себя на фоне ведущих смыслообразующих (лексических, словообразовательных) элементов. Следовательно, значение положительной или отрицательной оценки может выражаться ими только имплицитно. Иначе говоря, имплицитные компоненты значения выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах и синтагмах, то есть через лексико-семантические оппозиции и контекст.

Всё это подтвердилось на материалах анализа использования слов *поп*, *ислам* (*исламовед*) и их производных.

Применительно к экспертной практике констатируем, что выявление оценки становится важным и необходимым этапом лингвистического исследования спорного речевого произведения при производстве лингвистической экспертизы (в т.ч. в составе комплексной экспертизы).

Цель исследования достигнута, задачи, сформулированные в работе, решены, положения, выдвинутые на защиту, доказаны.

В итоге констатируем, что лингвоэкспертная практика способна предложить эффективные методики анализа явления и снятия возникающих общественных конфликтов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. А почему именно «поп»? URL: <http://forums.drom.ru/garazh/t1151490592.html> (дата обращения: 20.05.2017).
2. Абдулхалик А. Исламояды// Информационно-аналитический канал «Ансар». URL: <http://ansar.ru/person/2011/05/14/15513> (дата обращения: 10.03.2015).
3. Авганова Н.А. Некоторые средства выражения отношения говорящего к содержанию высказывания // Проблемы языкознания и теории английского языка. Сборник трудов. Вып. первый. М., 1976. С. 45-50.
4. Алексеев П.А. Церковный словарь, или истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании, и содержащихся в других церковных и духовных книгах, с присовокуплением некоторых церковных ирмосов, в российском переводе изъясненных и в стихи переложенных, и степенных первого гласа. Т.3 М-Р СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1818. 368 с.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений : Оценка. События. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
7. Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2003. С.139-146.
8. Баранов А.Н. Лингвистическая теория текста: теория и практика: учеб. пособие /А.Н. Баранов. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
9. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. 208 с.
10. БАС = Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. Т. 10. П.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 1774 стб.

11. Бринев К.И., Матвеева О.Н. Судебная лингвистическая экспертиза: Справочные материалы. Барнаул, 2012. 24 с.
12. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252с.
13. Бобрик М. А. Лих ли поп Упырь? : значение эпитета лихьи в записи писца Толковых пророков // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 265-272.
14. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
15. Быков В. Русская феня: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München: Verlag Otto Sagner, 1992. 182 с.
16. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке. Уфа: Башкир.гос. ун-т, 1996. С.55-62.
17. Венгранович М.А. Лингвистическая интерпретация основных понятий, связанных с экстремизмом // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты: колл. Монография/ под ред. Т.Н. Андреюшкиной. Тольятти, 2013. С. 143-149.
18. Венгранович М.А. Лингводидактические основы интерпретации конфликтогенного текста // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Материалы IV Международной научной конференции в 2 частях. Тольятти, 2011. С. 12-20.
19. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975. 559 с.
20. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки; вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. М.: URSS, 2005. 259 с.
21. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977.
22. Галяшина Е.А. Лингвистика vs. экстремизма: В помощь судьям,

следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006. 96 с.

23. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, 1999.

24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и доп.; Под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ: В 4-х тт. Т.1. (1903); Т. 3. (1907). Санкт-Петербург–Москва: Изд-во Т-ва М.О. Вольф, 1903-1909.

25. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений, содержащий в себе объяснения малопонятных слов и выражений, встречающихся в церковно-славянских и древнеславянских рукописях и книгах..., начиная с X до XVIII вв. включительно. М.: Издательский Отдел Московского Патриархата, 1993. 1120 с. (репринтное издание 1900 г.).

26. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. 694 с.

27. Законодательство Петра I / Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 1997. 880 с.

28. Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора. М.: ИСл РАН, 2011. 224 с.

29. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. I: А-О. 1209 с.

30. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. II: П-Я. 1088 с.

31. Зарипова В.М. Номинация лиц в языке газеты: эволюция этикетных тенденций: монография / В.М. Зарипова. Самара: Изд-во СГАУ, 2016. 180 с.

32. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX в. Оренбург: Оренбургское

книжное издательство, 1998. 280 с.

33. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе: сб.ст. под ред. проф. Г. Я. Солганика. М., 2000. С.94-106.

34. Козулина Н.А. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника/ Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова; Отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.

35. Крымин А.В., Энгельгардт Г.Н. Исламофобия // Отечественные записки 2003. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/islamofobiya> (дата обращения: 10.03.2015).

36. Краткая русская грамматика / [В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др.]; Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина; Ин-т рус. яз. АН СССР. М. : Рус. яз., 1989. 639 с

37. Кто такие попы? URL: <https://otvet.mail.ru/question/18814167> (дата обращения: 20.05.2017).

38. Магометов М. Муки Силантьева: В чем сила российского Ислама?// Информационно-аналитический канал «Ансар». [Электронный ресурс]. URL:<http://ansar.ru/analytics/2011/04/28/14909> (дата обращения: 10.03.2015).

39. Макаров А. Наполовину сказанная ложь // Информационно-аналитический канал «Ансар». [Электронный ресурс]. URL: <http://ansar.ru/person/2011/05/09/15214> (дата обращения: 10.03.2015).

40. Маклакова Е.А. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика): монография. Воронеж: «Истоки», 2009. 353 с.

41. Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева, М., 1957–1960; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1981–1984.

42. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке : монография. М. : МГУП имени Ивана Федорова,

2013. 299 с.

43. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. – М., 1957.

44. Навицкайте Э.А. Выражение семантической категории экспрессивности в публицистике, посвященной исламу // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. С. 49-55.

45. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

46. Никитевич В.М. К вопросу о категории оценки в русском языке// Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1960. – Вып. №. – С. 81-91.

47. Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. М., 1996.

48. Обращение «поп» к священнику// Слово. Открытый православный форум. – URL: <http://forum-slovo.ru/index.php?PHPSESSID=tfuleubutu2js5rv222gqcv0e6&topic=31145.0> (20.05.2017).

49. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А Темп», 2006. 944 с.

50. Осадчий М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Право и безопасность. 2007. № 3-4 (24-25).

51. Официальный сайт компании КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2020).

52. Петраш Ю.Г. «Исламоеду» не место в науке исламоведения // Информационно-аналитический канал «Ансар». [Электронный ресурс]. URL: <http://ansar.ru/analytics/2011/4/03/13511?print> (дата обращения: 10.03.2015).

53. Петров А.В. Гніздовий тлумачно-словотворчий словник композитів. Сімферополь, 2003. 286. Рос. мовою.

54. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой категории

модальности. Новосибирск, 1982.

55. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 451 с.

56. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации/ авторы-составители: А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин; науч. ред. А.Р. Ратинов. М.: Фонд защиты гласности, 1997. 128 с.

57. Поп, батюшка, священник – чем они отличаются друг от друга? URL: <https://otvet.mail.ru/question/43012780> (дата обращения: 20.05.2017).

58. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800с.

59. Почему священника раньше называли попом? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/895687-pochemu-svjaschennika-ranshe-nazyvali-popom.html> (20.05.2017).

60. Почему священники не любят когда их называют попами? URL: <https://otvet.mail.ru/question/87427852> (дата обращения: 20.05.2017).

61. Просвиркина И.И. Субъективная модальность как средство выражения оценочности// Вестник ОГУ. 2002. № 6. С. 79.

62. Рагозина, С. А. Анализ лексической сочетаемости лексемы «ислам» в российских печатных СМИ (2010-2013) // Исламоведение. 2017. с. т. 8. № 1. с. 112-130.

63. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. Т. 10. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 1774 стб.

64. Смирнова Л.Г. Лексика с оценочным компонентом значения в словарях // Десятые поливановские чтения. Смоленск, 2011. С. 312-323.

65. Словарь русского языка: В 4 т./ под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985-1988.

66. Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: методическое пособие. Воронеж: «Гарант», 2010. 20 с.

67. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: ВГУ, 1985. 170с.
68. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: «Истоки», 2013. 34 с.
69. Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики: учеб. пособие. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 304 с.
70. Стернин И.А, Рудакова А.В. Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: «Истоки», 2017. 34 с.
71. Стернин И.А, Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте/ И.А. Стернин, М.С. Саломатина. Воронеж: Издательство «Истоки», 2011. 150 с.
72. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / Сост. О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секеранж. М., 2011. 330 с.
73. Третьякова Д.В. Негативно-оценочные номинации специалиста с общей корневой морфемой -ислам- в Интернет-публикациях// Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: материалы V Международной научной конференции Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. С. 216-224.
74. Третьякова Д.В. Религиозное, секулярное и политически обусловленное в развитии семантики слова ПОП в русском языке// Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 205-211.
75. Тупиков Н.М. Словарь древне-русских личных собственных имен. С.-Петербург. Типография И.Н. Скороходова, 1903.
76. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.3 (Муза – Сят)/ Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
77. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. М.: АСТ, 2008. 879 с.

78. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2002. 424 с.

79. Чернышова Т.В. «Негативная оценочность» как фактор конфликтности публицистического текста. URL: http://siberia-expert.com/publ/negativnaja_ocenochnost_kak_faktor_konfliktnosti_publicisticheskogo_teksta_t_v_chernyshova/3-1-0-65 (дата обращения: 20.05.2015).

80. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Азбуковник, 2003. 377 с.

81. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике// Проблемы синтаксической семантики. М., 1976.

82. Этимологический словарь современного русского языка/ Сост. А.К. Шапошников: в 2-х т. Т.2. М.: Флинта : Наука, 2010. 576.

83. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. М., МГУ, 2003. 456 с.

84. Яковлева А.С. Категория оценки в публичных политических речах П.А. Столыпина и Отто фон Бисмарка (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дисс. к.ф.н.. Тюмень, 2006.

85. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse. Analysis of a Newspaper Corpus. London/New York: Continuum, 2006. 253 p.

86. Bednarek M. Dimensions of evaluation: cognitive and linguistic perspectives// Pragmatics & Cognition.2009. 17/1.P.146-175.

87. Bednarek M. Evaluation in the news – A methodological framework for analysing evaluative language in journalism// Australian Journal of Communication.2010. 37/2. P.15-50.

88. Bednarek M. Investigating evaluation and news values in news items that are shared via social media // Corpora.2016. 11/2. P.227-257.

89. Holiday M.A. Linguistic Studies of Text and Discourse. London, 2002. 150 p.